

Огонек



ТОЛСТОЙ, ЧЕХОВ, ГОРЬКИЙ—вот три писательских имени, которыми отмечен один из значительнейших периодов русской литературы конца XIX века и нашего времени. Уходящий от нас идейно, но ценный в художественном отношении Толстой, возглавляющий всю нашу современную литературу Горький и незабываемый, близкий нам Чехов, с чьими еще достаточно сохранившимися персонажами предстоит длительная и упорная борьба,—эти три крупнейших писателя являются теми классиками, без изучения которых нельзя понять нарождающейся новой литературы.

На снимке: Л. Н. Толстой и А. П. Чехов в 1901 году.

Вышел № 9 (сентябрьский)

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ: В.А. Агатов — Женщины. С. Флагерти — Горшок золота. Г. Гаутман — Демон. Илья Ренк — Письмо к тебе. Д-р Н. Миклушина-Иванова — Бесплодие женщины (о противозачаточных средствах). Е. Шлепова — Кройка и шитье. — Юридическая консультация. — Дом и хозяйство. — Питание. Рукоделие, и много других.

В номере 8 страниц красочных рисунков мод платья, и пр. по последним европейским моделям. СЕЗОН 1929 г. ПРИЛОЖЕНИЯ: для подписчиков — выкройка платья и контурный лист; в розничной продаже — контурный лист.

Цена номера — 1 р. 38 к. Подписную плату — на 3 мес. — 3 р., адресуйте: Москва 6, Страстной бульв. 11. „Огонек“

Повышение квалификации „ПОЛИГЛОТ“ уменьшает безработицу
Ростов н/Дону.

Заочные Пром.-Вяз. и Худож.-Техн. курсы, учрежд. в 1917 г. Заочное преподавание ведется по четырем отделениям Курсов:

- 1) Высшие счетные курсы — Новые формы бесприютного учета. Банков. счетов. Статистика. Фабрично-Заводские счетов. Фин. выч. Основы законодательства. Анализ баланса. Организация счетов по принципам НОТА.
- 2) Курсы практических знаний — Бухгалт. Коммерч. выч. Делопр. и администр. корресп. Стенография. Каллиграфия (исправление почерка).
- 3) Техническо-художественные курсы — Техническо-худож. черчен. Машиностроительное черчение. Рисование.
- 4) Курсы иностранных языков — Заочное обучение английскому языку.

П. оконч. курса и произв. исп. в Квалификац. комиссиях выд. соответств. ДИПЛОМ.

Требуйте бесплатно проспекты и программы. В 1927-28 учебн. году окончили Курсы 5.986 человек.

Проф. Р. Я. ВЕЙЦМАН. КУРС СЧЕТОВОДСТВА

Двойная бухгалтерия в ее применении к различным видам хозяйств.

Пятнадцатое издание. Гуском рек. в качестве пособ. для пром.-экон. учебн. завед.

Цена 2 рубля. Выпущ. без задатка книжным складом ЦЕНТРОСОЮЗА

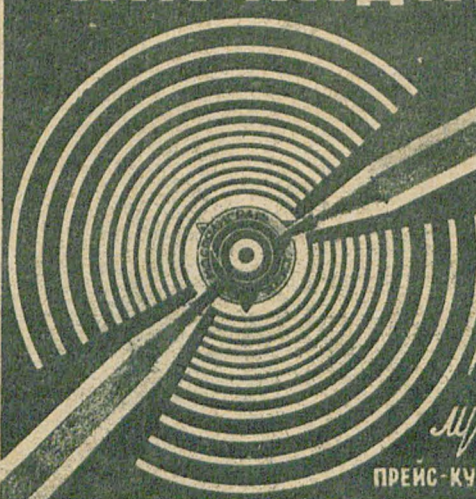
Москва Г. С. П. 5, Маросейка 7.

ПЕЧАТНЫЙ НАБОР



Полный алфавит. науч. букв с принадлеж. и руковод. для печат. бланков, конвертов, имен, отч., фамилий и проч. Печат. алфавит из 80 б.—1 р. 75 к.; 115 б.—2 р. 50 к.; 220 б.—3 р. 50 к.; 320 б.—5 р.; 500 б.—7 р. 50 к. Цены с пересылкой. Высылаются нал. плат. по получении. 1/2 стоимости заказа. Ленинград, почт. яш. № 368/а. И. Е. Беккер.

МОСПОЛИГРАФ КАРАНДАШИ



самые дешевые
не уступающ. качеству
лучшим загранич. фирмам

ПРЕС-КУРАНТЫ ВЫСЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ

МОСПОЛИГРАФ

КНИГУ ПОСЫЛКОЙ

по всем вопросам знания высылает наложенным платежом Почтовый Отдел Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ МОСКВА — ЦЕНТР, Кузнецкий Мост, 7, отд. 2.

Проф. АВГУСТ ФОРЕЛЬ. ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Всемирно известный труд о половой жизни, формах сексуальной любви, полов. извращениях, болезнях и гигиене. Ц. за 2 тома 4 р. 50 к. с пересылкой.

Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“
Москва, ул. Герцена, 31/3.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

Все виды спорта. Одобрено Ленин. Советом Физкультуры. Выпущено 500 стр., 100 рис. Ц. 2 р. 90 к. с перес. Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“
Москва, ул. Герцена, 31/3.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

научайте по самоучителю Б. Шмелера, в 10 вып., составлен по методу Мертнера, не треб. заучив. слов и правил. Доп. Гос. Учен. Советом. Ц. 2 р. 85 к. с перес. Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“
Москва, ул. Герцена, 31/3.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА для ХОЗЯЕК

Мясной и вегетарианск. стол. Различные тесто. Пирог. Печенье. Овощи. Зелень. Наостановление для готовки на приусае. Ц. 2 р. 85 к. с пер. Москва, ул. Герцена, 31/3. Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“



Биллиардный мастер А. К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30.

Всероссийский комитет содействия промышленно-экономическому образованию при Наркомторге РСФСР.

ЗАОЧНЫЕ ТОРГОВЫЕ и ОРГАНИЗАЦ.-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУРСЫ

для подготовки и переподготовки работников торг. предприятий, заготовщиков, складов, управлений синдик. и трестов, их контрол. и отделений, адм.-хоз. и таможен. учреждений, служащих гарант. страхования и выдвигенцев.

Отделения: I. Заготовительное. II. Торговое. III. Организация и техника внешней торговли и таможенного дела. V. Счетно-налоговое. VI. Издательское и инжиготорговое.

Принимать в обучение зачисл. лица, имеющие знания в объеме школы 1-й ступ. или соответствующий практический стаж.

Окончившие курсы после испытания в госуд. комиссиях получают ДИПЛОМ.

ПРОСПЕКТ КУРСОВ высыл. за 8 коп., обозрение преподавания — за 22 коп. марками.

АДРЕС: Москва (центр), Армянский пер., 11/2.

Заочные курсы.

ДЕТСКИЙ ТЕАТР НА ДОМУ ПЕТРУШКА

Подвижной театр с картонной сценой, занавесом, декорациями и подвижными фигурами. Каждый ребенок легко может разыгрывать любые пьески, сценки, сказки и пр.

Цена 3 р. 50 к. без перес. Высыл. нал. пл. при получ. задатка. Москва 4, Ульяновская, 15

Моск. Пром. Коопер. Т-во „ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

На складе большой выбор игр для детей и взрослых.

Каталог бесплатно.

МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ

АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления разных наливок, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка. Главный склад П. ЗАВЛИН.

Ленинград, Колокольная 13. По первому требованию высылаем ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ЖЕЛЧУГА франц. типа „КЕНТА“

искусств., массивн., тяжеловесн., не блещ., не отлич. от настоящ., 42 сент., с серебр. замк.—9 руб., 50 сент., с серебр. замк.—11 р., 65 сент., с серебр. замк.—14 р., 180 сент.—23 р., 150 сент.—27 р., 170 сент.—31 р. СЕРЬГИ франц. типа „КЕНТА“ серебр., последние мод. фасон.—4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка посылки бесплатно: Выслаив наложен. платежом. Ленинград 40, Пушкинская 10, кв. 66., А. Штейн.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА

ЛАБОРАТ. Кооп. Т-во „ЭЛЭМ“ Тверская 15, МОСКВА.

Порошок для моментальн. уничтожения волос

„ДЕПИЛАТОРИЙ W. M.—ЭЛЭМ“

Цена мал. банки 1 р. 75 к., б. б. 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к.

„Россеетерский восстановитель „ЭЛЭМ“

возвращает седым волосам их первоначальный цвет. Флакон 2 р. 75 коп.

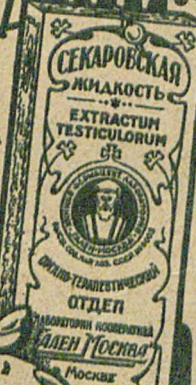
ЧЕРНИЛА для нем. машин бел. и чер. 85 к. и 3 р. 50 к.

Продажа в аптеках, магаз. Санитария и Универмагах.

Высылаются почтой только по получении половины стоимости (можно почт. марками).

„СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ“

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ приготавливаемая по способу профессора д-ра БЮХНЕРА



ЦЕНА ФЛАКОНА 2 РУБ.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ СССР

В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ИЗ ГЛАВНОГО СКЛАДА не менее 4х флаконов при получении 25% задатка ПЕРЕСЫЛКА И УПАКОВКА ЗА НАШ СЧЕТ

ЛЕЧЕБ. УЧР. И ВРАЧАМ для испытания „CRATIS“

„Моск.промсоюз“

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА „ЕЛЕН-МОСКВА“

МОСКВА ул. ГЕРЦЕНА 5/110

БЕСЕДЫ РОМЕНА РОЛЛАНА С ТОЛСТЫМ

Очерк Леонида Гроссмана.

„Доброта, разум, абсолютная правдивость Толстого превратили для меня этого великого человека в самого верного руководителя среди правдивой анархии нашего времени“.

Ромен Роллан.

Осенью 1887 г. юный парижский студент Ромен Роллан послал письмо в Ясную Поляну.

Лишь незадолго перед тем он впервые узнал Толстого, но уже успело вырасти для него в огромное событие.

„Дни, когда я познал его, никогда не изгладятся из моей памяти, — вспоминал впоследствии Ромен Роллан. — Это было в 1886 г. После нескольких лет медленного прозябания, чудесные цветы русского искусства возникли на французской почве. Переводы Толстого и Достоевского начали сразу появляться во всех издательствах с лихорадочной поспешностью. За 1885—1886 год в Париже были изданы: „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Детство и отрочество“, „Поликушка“, „Смерть Ивана Ильича“, кавказские повести и народные сказки Толстого. В несколько месяцев, в несколько недель, перед нашими глазами раскрылось творчество одной великой жизни, в которой отражался целый народ, целый новый мир... Это были как бы врата, раскрытые на безбрежную вселенную, великое разоблачение жизни... Никогда еще подобный голос не раздавался в Европе“.

Вскоре затем появился знаменитый трактат Толстого „Так что же нам делать?“ В нем великий романист, пораженный размерами и безвыходностью городской нищеты, глубоко и бесповоротно осуждал все современное искусство за его оторванность от интересов и нужд народных масс, за его бесполезность для огромного и лучшего человеческого большинства — для трудящихся.

Книга Толстого поразила и испугала Европу. Молодой Роллан, мечтавший в то время о будущем композитора, поэта или трагика, приобщенный ко всем новейшим запросам европейского творчества, испытал, как и все окружающие, великое смущение. Толстой был для него с отроческих лет руководителем в современной „моральной анархии“. Но не менее горячо был он предан искусству, и, в частности, музыке для его жизни „была так же необходима, как хлеб“. И вот его великий учитель резко и решительно осуждает все

европейское искусство за его безнравственность, способную только развращать и разъединять людей. „А между тем я чувствовал, что нет ничего более чистого, чем впечатление от произведения великого художника. В симфонии Бетховена, в картине Рембрандта — черпают не только забвенье всего личного, но и силу мысли и доброты, струящейся из этих великих сердец. Что могло сильнее сблизить и породнить меня с людьми, чем общие волненья

женная драма философских исканий одного зреющего творческого сознания. Приведем главные отрывки из этих писем, до сих пор неопубликованных¹.

Первое письмо Р. Роллана к Толстому датировано 16 апреля 1887 г. Оно написано еще не установившимся, почти детским почерком, с наивным обращением „господин граф“, с робкой подписью — „ученик высшей нормальной школы“, с необычным адресом: „Господину графу Льву Толстому, литератору“. Оно полно глубокой любви к писателю. Неудивительно, что на обороте конверта рукою С. А. Толстой написано: „Это письмо прелесть“.

„Я не посмел бы писать вам, — начинает свое первое обращение Роллан, — если бы имел в виду только выразить мое страстное восхищение вашими творениями; мне кажется, я слишком хорошо знаю вас по вашим романам, чтобы обратиться к вам с похвалами, которые ваш великий ум презирает и которые были бы почти дерзостью со стороны ребенка, каким я еще являюсь. Но я движим жгучим желанием знать, — знать, как жить, и только от вас я могу ждать ответа, ибо только вы поставили вопросы, которые преследуют меня. Я измучен мыслью о смерти, которую нахожу почти на каждой странице ваших романов, я не мог бы сказать вам, насколько ваш Иван Ильич совершил переворот в моих самых заветных мыслях“.

Ромен Роллан говорит далее о своем желании победить страх смерти растворением своей личности в общей жизни. Он признает вслед за Толстым, что необходимо оторваться от своего эгоистического „я“, достигнуть полного отказа от самого себя.

И тут же он выдвигает перед своим учителем кардинальную проблему: „Я хочу поставить вам вопрос, который наиболее волнует меня: почему вы осуждаете искусство? Отчего бы вам, напротив, не воспользоваться им, как

самым совершенным средством, которое позволит вам осуществить ваше отречение? Я прочел только что со страстным увлечением ваше новое произведение „Так что же нам делать?“ Разрешение вопроса об искусстве в нем отложено до другого



Лев Николаевич Толстой за работой. Фот. В. Чертова. 1909 г.

от „Эдипа“ или от „Симфонии с хорами“? Двадцатилетний юноша испытывает глубокую тоску. Охваченный желанием приносить пользу окружающим на путях творчества, он страшится отдать свою юную жизнь вредному и гибельному делу.

Где же правда? В чем выход из создавшегося тупика?

Ромен Роллан решает поделиться своими сомнениями с самим Толстым.

Он обращается к нему с обширными письмами, в которых раскрывается напри-

¹ Письма эти хранятся в архиве Л. Н. Толстого. Мы обязаны неизменно любезному вниманию к нашим работам А. Е. Грузинского возможностью использовать их. Приносим ему нашу глубокую благодарность.

раза¹. Вы говорите, что осуждаете искусство, но вы еще не сообщаете мотивов вашего приговора... Ромен Роллан просит ответа.

„Я понял, что если вы осуждаете искусство, то потому, что видите в нем эгоистическую потребность утонченных наслаждений, способную только бесконечно увеличивать ощущения нашего „я“, повышая до крайности нашу чувствительность. Увы!

личность, что в нем я перестаю существовать, что эти бесконечные гармонии звуков и красок растворяют мысль и отменяют смерть.

„...Не думаете ли вы, что искусство призвано осуществлять огромную роль—даже в вашем учении—для народов, которые умирают от сложности своих чувств и от изливших своей цивилизации?“

Письмо это пришло к Толстому в момент, когда он был погружен в работу над книгой „О жизни“. Ответ на запрос французского студента был отсрочен.

Через полгода пришло второе письмо от Ромена Роллана, в котором он возобновлял свои вопросы.

В одно из посещений Хамовнического дома, осенью 1887 года Бирюков застал Толстого в глубоком волнении. Он шел навстречу посетителю со словами о доброй вести: к нему пришло письмо одного французского студента, уже вторично обращавшегося к нему за советом и разделявшего его мысли. Письмо было настолько замечательно, что Толстой решил всесторонне ответить на него.

Вскоре Ромен Роллан

получил из России ответное письмо. Написанное на 38 страницах, на французском языке, оно разрешило все сомнения и навсегда определило будущую деятельность Роллана.

„Дорогой брат,—писал Толстой,—я получил ваше письмо; оно тронуло меня до глубины души. Я прочел его со слезами на глазах“...

И затем в целом исследовании Толстой развивал мысль, что лишь то искусство ценно, которое соединяет людей, и что только тот истинный художник, кто способен жертвовать собой на пользу другим людям. Не любовь к искусству, но любовь к человечеству—вот первое условие подлинного творческого призвания.

Письмо Толстого полно тех широких, обобщающих и руководящих заветов, которые так характерны для его философских манер:

„Самое простое и короткое правило нравственности состоит в том, чтобы заставлять служить себе других как можно меньше, и служить другим как можно больше... Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит

ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию...

„Истинные науки и искусства всегда существовали и всегда будут существовать, как и все другие отрасли человеческой деятельности, и невозможно и бесполезно отрицать или защищать их.

„Ложное положение, которое занимают в нашем обществе наука и искусство, доказывают только, что люди, называющиеся цивилизованными, с учеными и художниками во главе, составляют касту со всеми пороками, присущими всякой касте.

„...Они ложатся тяжелым бременем на народ, а, сверх того, лишают его света, тщетно стараясь показать, что они его распространяют. И, что хуже всего, дела их всегда противоречат тем принципам, которые они исповедуют...

„Во все времена человечество только и делало в своем движении вперед, что определяло добро и красоту...

„Благо и красота для человечества есть то, что соединяет людей. Итак, если приверженцы науки и искусства действительно имеют в виду благо человечества, они должны двигать вперед только те науки и те искусства, которые ведут к этой цели“...

Через 10 лет Р. Роллан снова обратился к Толстому. В январе 1897 г. он послал ему отписки своей драмы о св. Людовике и в сопроводительном письме напомнил ему об их первой встрече.

„Дорогой и великий дальний друг, чей пример и чьи сильные слова так часто сообщали мне мужество для жизни, вы не вспоминаете, вероятно, что десять лет тому назад (я был тогда еще почти ребенком) я обратился к вам в состоянии жестокого нравственного кризиса, и вы мне ответили с нежней добротой. Вы, вероятно, не раз поддерживали юные сомневающиеся души и оказывали им добро, но мне всего раз пришлось (в тот день, когда я вас встретил) найти в этой огромной Европе, в этой толпе ученых, художников и мыслителей душу, которая удостоила вниманием страдания безвестного ребенка, чтобы облегчить их.

„...Когда я обратился к вам за советом, я был озабочен антагонизмом, который вы, казалось, устанавливали между искусством и добром. Искусство было моей жизнью, моей религией; я был обязан ему моими самыми чистыми и самыми невинными радостями, и я черпал в нем мои лучшие силы для борьбы со злом. Могло ли быть, чтоб оно было противоположно любви к ближним, преданности им? Я спросил вас об этом, и вы ответили мне, что вы сражаетесь не с искусством, но с художниками наших дней; вы не запрещали тем, у кого в сердце звучала музыка, чтобы она продолжала петь, но вы не хотели, чтобы они превращали это в ремесло и торговлю“...

Ромен Роллан говорит далее о своей литературной работе, драме „Святой Людовик“, о французском крестьянстве эпохи третьей республики. К концу письма он обращается к своей основной теме.

„Мудро умирать,—вот чему я стремлюсь научить других и одновременно самого себя. Увы, я так боялся смерти в продолжение всего моего детства. Когда я узнал вас, какой отзвук моим скрытым тревогам я нашел в ваших книгах! И вот теперь, когда я почти примирился, мне было бы отрадно освободить других от этого кошмара, парализующего силы, жизнь становится такой смеющейся и сердце столь расположенным к доброте, когда оно не боится больше смерти. Вот почему я всеми силами хочу возжечь жизнь в смерти и сообщить другим свободную веру, приносящую мне столько блага“...

„...Соединимся же, соединимся!—пишет Роллан в заключении письма,—злом так могущественно! Худшее же из всех зол—мысль, что все—ничто, что всякое усилие бесполезно, это убийственная мысль о



Л. Н. Толстой.

Фот. В. Чертова.

Я хорошо знаю, что в этом, действительно, даже для большинства художников, предмет искусства: аристократическая впечатлительность людей, органы чувств которых приобрели исключительную утонченность. Но нет ли в этом и другого начала, того другого, которое для многих есть все? Это именно забвение своей личности, смерть индивида, растворенного в ощущении, которое он под конец перестает даже чувствовать, когда оно достигает бесконечной сложности, до которой дошла, например, музыка. „Я“, память, сознание—исчезли; осталось только целое море бесконечно малых ощущений.

„Я знаю, что вы мне на это ответите: я забываю, что искусство есть цветок зла, венец всех социальных несправедливостей... Но,—спрашивает Роллан,—не есть ли оно, все же, высшая ценность?“

„Я влюблен в искусство, потому что оно преобразует мою жалкую, маленькую

¹ Речь идет, очевидно, о первом основном отрывке статьи. Впоследствии к нему были присоединены новые фрагменты, в том числе „О назначении науки и искусства“.



Вокруг стола, слева направо: Л. Н. Толстой, М. А. Стахович, Т. Л. Толстая, В. А. Кузьминская, М. Л. Толстая, С. А. Толстая. 1885 г.

небытии, которая пожрала столько жизней, столько жизней, вокруг меня!"

В начале 1897 г., в связи с преследованием толстовцев за их защиту духовоборов, Ромен Роллан пишет Толстому письмо глубокого сочувствия: „Я знаю, — пишет он, — что ничто в мире не сможет поколебать грустную и ясную убежденность вашей души“ (29 января 1897 г.).

Он возвращается к этому вопросу в письме от 23 августа 1901 г., где на основе новых французских публикаций Толстого признает учение духовоборов „одним из наиболее значительных движений человечества“. Он хотел бы ознакомить с ним Францию и просит у Толстого указаний. Он хочет изучить биографию одного из духовоборов: „Никакое произведение искусства не стоит одной героической жизни“.

Он снова указывает, что писания Толстого продолжают сообщать ему и его друзьям „нравственную энергию и здоровье, в которых так нуждается болезненная и дряхлая Европа, зараженная лицемерием... В них (в писаниях Толстого) величайшая и самая редкая из добродетелей — правда.“

В заключении письма Ромен Роллан выступает со своим истолкованием христианства, осторожно возражая против некоторых положений толстовской религии.

В августе 1906 г., прочитав французское издание биографии Толстого, изданной Бирюковым, Ромен Роллан посылает в Ясную Поляну свою „Жизнь Микель-

Анджело“ с сопроводительным письмом, в котором снова просто и открыто говорит о своей любви к Толстому.

„Я только что с волнением прочел два тома „Воспоминаний“, опубликованных с вашего разрешения и по вашим замечкам г. Бирюковым. Я вижу, сколько вам пришлось бороться, чтобы стать тем, кем вы стали, и от этого я вас люблю еще более.

„Хорошо ли вам знакома жизнь — подлинная жизнь Микель-Анджело? Я говорю:

интимных позоров. Великим он был и признавал это. Но насколько это величие казалось ему жалким, ему, который мог и смел проникать в него до основания!

„Я позволяю себе послать вам два маленьких томика, только что написанных мною об этой мощной и страдальческой жизни по письмам и стихотворениям самого Микель-Анджело. Если у вас когда-либо найдется несколько мгновений для чтения их, вы в нем узнаете, мне кажется, во многом своего брата.“

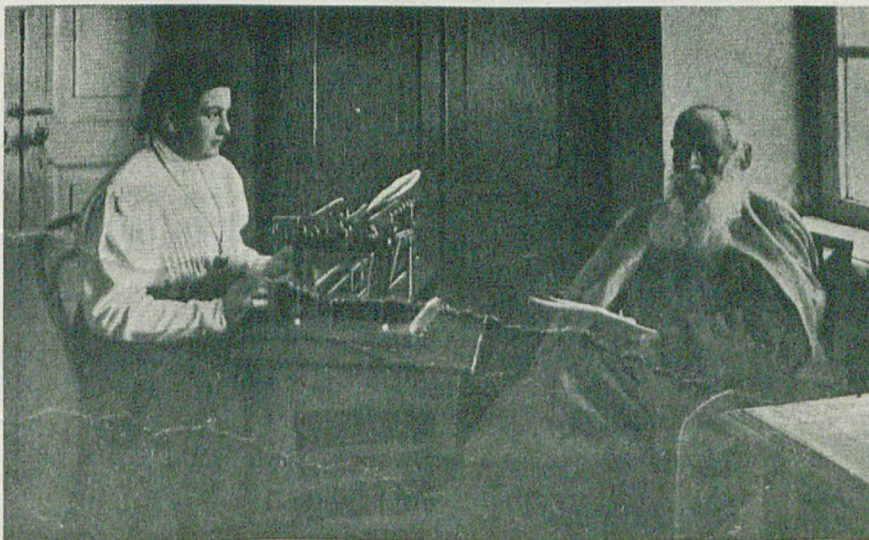
Через четыре года Ромен Роллан включает в серию своих героических биографий „Жизнь Толстого“. В ней он выступает верным последователем своего учителя.

„Тот, кто подобно мне испытал радость любви к этой единственной всемирной душе нашего времени, уже не может довольствоваться обрывочными клочками человеческого духа, которые предлагает нам искусство европейских кружков“...

Когда в 1917 г. вышло первое французское издание „Дневников“ Толстого, Ромен Роллан снова вернулся к своей любимой теме. В небольшой статье, помещенной в женевской газете, он воздает хвалу „свободной совести“ Толстого, который всегда умел смотреть на вещи и людей „своими орлиными глазами“ открыто и прямо, не мигая.

Мы видим, что раннее общение с Толстым оставило след на всем творчестве Ромена Роллана.

Леонид Гроссман.



Л. Н. диктует дочери, Александре Львовне.

Фот. В. Черткова. 1908 г.

подлинная жизнь, ибо никто не захотел или не осмелился взглянуть в нее. Современники Микель-Анджело и большинство его позднейших биографов пожелали видеть в нем только некоего торжествующего полубога. Бедный полубог! Человек, снесший всю свою жизнь щемящим чувством своей моральной слабости, своих



Снимок со старинной картины Яна Стыка. Любопытен объяснительный текст, которым сопровождался в свое время многочисленные репродукции этой картины. Приводим его полностью: „Толстой, писавший свои манифестации, окружен страданием своего отечества“.

А. П. ЧЕХОВ И Л. Н. ТОЛСТОЙ

Очерк Юрия Соболева.

... „Из писателей предпочитаю Толстого, из врачей — Захарьина“, писал А. П. Чехов в автобиографии, посланной им Вл. Тихонову для журнала „Север“.

Исследователями жизни Толстого давно уже — и во всех подробностях — восстановлена картина отношений между „великим писателем русской земли“ и писателями, принадлежавшими к старшей генерации его современников. „Толстой и Достоевский“, „Толстой и Тургенев“, „Толстой и Фет“, — это делалось темой целого ряда книг и статей. Гораздо слабее разработана история взаимоотношений Толстого и младшего литературного поколения. В этом ряду следует поставить и Чехова. В сущности, в нашем распоряжении есть только одна работа, — и то очень бегло раскрывающая и историю знакомства Толстого с Чеховым, и чувство обоюдной приязни друг к другу, которое всегда существовало между Толстым и Чеховым (см. П. А. Сергеев, „Л. Н. Толстой и А. П. Чехов“. Сборник „Л. Н. Толстой“. Изд. „Русская Быль“, М. 1910, перепечатано в журн. „Рампа и Жизнь“, № от 2-го июля 1914 г.).

Юбилей Толстого — столетие со дня рождения — дает повод вернуться к этой теме.

Фраза Чехова, говорящая о его „предпочтении“ Толстого другим писателям, не случайна. Толстой, и как художник, и как человек, всегда привлекал пристальное к себе внимание Чехова. Он прямо говорил, что

„ни одного человека не любил так, как его“. Умри Толстой, в жизни Чехова „образовалось бы большое пустое место“. Это писалось тогда, когда не прошла еще опасность катастрофического исхода от того воспаления легких, от которого медленно поправлялся Толстой в Гаспре в 1901 г.

Для „неверующего“ Чехова „вера“ Толстого казалась ему „наиболее близкой и подходящей“. Этот пиетет к личности Толстого у Чехова слит с величайшим уважением к нему, как к писателю: „Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором“. Деятельность Толстого, в глазах Чехова, „служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются“. Чехов глубоко воспринимает этическое значение Толстого: „Пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглость и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушье стадо, или каша, в которой трудно было бы разобратся“.

Как известно, Толстой платил Чехову той же монетой, высоко ценил его творчество и чрезвычайно любовно относился к нему, как к человеку. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом говорит, что Лев Николаевич „любит Чехова отчески, в этой

любви чувствуется гордость создателя“. И еще: „Чехова он любил, и всегда, глядя на него, точно гладил лицо Антона Павловича взглядом своим, почти нежным в эту минуту“.

Считая, что пьесы Чехова „еще хуже, чем Шекспира“, Толстой в то же время говорил прямо с восхищением о чеховской беллетристике. Он называл Чехова „несравненным художником“. „Чехова, как художника, нельзя уже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мною, — говорил Толстой. — У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадутся ему под руку, и никакого как будто отношения эти мазки между собою не имеют. Но отойдешь на некоторое расстояние, посмотришь, и в общем получается цельное впечатление. Перед вами яркая, неотразимая картина природы“. Для Толстого Чехов — истинный художник. И вот по какому, как полагает Толстой, „наивернейшему“ признаку: „Чехова можно перечитывать по несколько раз“.

Составляя „Круг Чтения“, Толстой в число избранных новелл и „притч“ поместил и чеховскую „Душечку“. Этим рассказом Толстой буквально восхищался, сам перечитывал его много раз и мастерски читал его вслух родным и друзьям. А. Б. Гольденвейзер в своем дневнике отметил, что среди любимых произведений Толстого,

обычно читавшихся им вслух, были чеховские рассказы — „Душечка“, „Мужики“ и „В овраге“. И тот же Гольденвейзер отметил, что Лев Николаевич „ставил Чехова чрезвычайно высоко, цenia его художественный талант, ум и русский язык“.

В истории отношений Чехова к Толстому есть одна черта, на которую никто из писавших о Толстом и Чехове не обращал внимания, — черта чрезвычайно характерная для Чехова с его вполне независимым взглядом и на литературу, и на больших людей его эпохи. В Чехове было свойство не быть ни перед кем обязанным.

И поэтому, когда Чехов узнал, что в семье Толстого выразили желание с ним познакомиться, но что это знакомство состоится при посредстве одного писателя, близкого к Льву Николаевичу, то Антон Павлович отказался принять это посредничество; он знал, что „друг“ Толстого будет потом всюду хвастать, что вот, мол, он познакомил Чехова с Толстым! Знакомство все же состоялось впоследствии, но уже без всякого посредничества. Чехов был в Ясной Поляне и прожил в доме Толстых около двух суток. Он вынес и от знакомства, и от поездки чудесное впечатление. „Я чувствовал себя, — писал Чехов Суворину, — легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки“.

Но то чувство независимости суждений, которое было доминирующим в природе Чехова, не позволяло отдаться ему толстовскому влиянию. Толстовская философия трогала Чехова, действовала на него, чему, кстати сказать, служит отражением повесть „Моя жизнь“, в которой герой — толстовец, опростившийся и отказавшийся от комфорта городской жизни. К сожалению, повесть дошла до нас в искаженной цензурой форме, так что о толстовской ее тенденции можно лишь читать между строк. Но в „толстовстве“ интересовали Чехова не „основные положения“, а „толстовская манера выражаться“. Но и этот „вероятно,

справедливо“ говорили Чехову, что „в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса“.

повторяли все умные старики во все века. Всегда старики склонны были видеть конец мира и говорили, что нравственность пала до *non plus ultra*, что искусство измельчало,



Л. Н. Толстой и Максим Горький. 1900 г.

Так же трезво отнесся Чехов и к философии Толстого, выраженной в знаменитом исследовании об искусстве. В ту весну, когда неожиданное кровохарканье было столь зловецом, что Чехов лег в клинику, его навещил в „палате № 14“ Л. Н. Толстой. Чехов передавал подробности этого глубокого его обрадовавшего посещения в письме к А. И. Эртелю так: „Толстой был у меня в клинике, говорил, что повесть свою „Воскресение“ он забросил, так как она

износилось, что люди ослабели, и проч. и проч.“

Когда же через несколько лет Чехов „залпом, не отрываясь“ прочел „Воскресение“, он отозвался об этом романе так: „Воскресение“ — это замечательное художественное произведение. Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Пехлюдова к Катюше, и самое интересное — князья, генералы, тетюшки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену генерала, коменданта Петропавловской крепости — спирита — я читал с замиранием духа — так хорошо. А м-м Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосья! Этот мужик пазывает свою бабушку „ухватистой“. Вот именно, у Толстого перо „ухватистое“.

Уже в приведенных строках (из письма к М. О. Меньшикову) подчеркивается восхищение Чехова перед чисто художественной его манерой. Чехова пленяют бытовые и жанровые портреты Толстого. Но „мораль“ романа, проступающая в истории отношений Пехлюдова к Катюше, — т. е., иными словами, раскрытие самой темы, как темы о „духовном воскресении“ Пехлюдова, — Чехову кажется самым неинтересным. Он считает, что в романе вообще „нет конца“. Кончить текстом из евангелия — не значит дать конец. „Решать все текстом из евангелия, это произвольно“, — утверждает Чехов в том же письме к Меньшикову и говорит, что „надо сначала заставить уверовать в евангелие, что оно истина, а потом уже решать все текстами“.

Очень выразительное для Чехова суждение! Так в своем высоком уважении перед Толстым находит Чехов ту грань, которая резко отделяет Толстого — художника от Толстого — моралиста.

Чехов за Толстого — против толстовства.

Юр. Соболев.



Л. Н. Толстой и А. П. Чехов в Гаспре. Сентябрь 1901 г.

гипнотизм своего рода“, — как говорил Чехов в письме к А. С. Суворину, — скоро перестал действовать. Расчетливость и

ему не нравится, пишет же только „Об искусстве“ и прочел об искусстве 60 книг. Мысль у него не новая: ее на разные лады

ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ В СССР

Очерк А. Р. Палей.

Мы не разделяем философии Толстого, проповедуемого им христианского смирения злу: ибо революция и есть грандиозное, организованное противление злу. Но мы чтим память величайшего гения художественного слова, и на его неумирающих творениях учимся художественному творчеству и развиваем вкус.

10 сентября исполняется столетие со дня рождения великого писателя, которым по праву гордится русская литература, ныне столь мощно развернувшаяся в стране Советов.



Апри Барбюсс.

Для достойного ознаменования этого юбилея создан общественный комитет, во главе с наркомом просвещения А. В. Луначарским (председатель) и начальником Главискусства (зам. председателя) Свиридским. В комитет вошли нарком просвещения национальных республик, представи-

тели научных, литературных и общественных организаций, а также крестьянства Ясной Поляны. Комитет наметил широкий план празднования юбилея. Оно будет происходить в течение недели в Москве и в Ясной Поляне и развернется в большое культурное торжество. Уже приглашен в Москву ряд иностранных писателей и ученых, многие из которых выразили настойчивое желание посетить толстовские торжества и выступить на них. На толстовские торжества приедут „сливки“ мировой литературы.

Достаточно сказать, что предполагается приезд Романа Роллана, Жюль Романа, Б. Келлермана, Л. Франка, Стефана Цвейга, Кнута Гамсуна, Р. Тагора, М. Ганди, Пьера Мак Орлана, Апри Пулайя, В. Маргерита, Апри Барбюсса, Г. Уэльса, Генриха Манна, Люка Дюртена, Жоржа Дюамеля, Синклера Льюиса и многих других, — всего около семидесяти человек. Таким образом, празднование толстовского юбилея превращается в культурное событие мирового масштаба. Часть приезжающих иностранных гостей будет размещена в Цекубу, об остальных позаботится Управление московскими гостиницами. Все они будут обслужены переводчиками и гидами. На вокзалах будут вывешены



Синклер Льюис.

плакаты на разных языках с указанием пути, гостиниц и т. п.

В юбилейные дни будет устроен ряд торжественных заседаний. Центральным из них будет заседание в Ясной Поляне 12 сентября, с участием иностранных гостей.

Крестьянство Ясной Поляны принимает ближайшее участие в проведении толстовского юбилея. Там будет организован ряд театральных представлений из произведений Толстого. Будут поставлены:

„Власть тьмы“, „Плоды просвещения“, „Первый винокур“, „Сказка об Иване-дураке“. В юбилейные дни в Ясной Поляне будет открыта школа, увеличена на 20 коек больница и открыта амбулатория.

В провинции также организовались местные юбилейные комитеты, которые работают в контакте с центральным.

Наркомпрос по своей линии также проводит празднование юбилея. Одному из вузов предложено присвоить имя Толстого.



Махатма Ганди.

15 сентября Наркомпрос устраивает вечер Толстого в Экспериментальном театре. Толстовские вечера будут устроены во всех школах и клубах. Как это ни странно, в Москве до сих пор не поставлен памятник Толстому. Между тем, на Цветном бульваре, во дворе дома № 9, находится „беспризорная“ статуя Толстого; работы художника Меркурова. Судьба этой статуи очень оригинальна. Еще до войны она была приобретена известным тогда меценатом Шаховым и подарена им городу Москве для постановки на одной из площадей. Но черносотенные организации воспрепятствовали этому: Теперь Всероссийское театральное общество о подняло вопрос о постановке этого памятника на Миусской площади, где разбивается сквер.

Такова показная сторона юбилейных дней. Но в эти же дни предполагается провести и ряд мер, не столь торжественных, но способствующих изучению жизни и творчества Толстого.



Стефан Цвейг.

14 сентября Толстовский музей устроит вечер воспоминаний о Толстом. К участию в вечере будут привлечены родные и близкие друзья Льва Николаевича. В музее Изысканных Искусств будет открыта толстовская выставка. С другой стороны, будут приняты меры

для популяризации художественных произведений Толстого среди широких масс и разъяснения его творчества. 11 сентября в театрах, кино и народных домах будут читаться произведения Толстого со вступительным словом о Толстом.

Таким образом, толстовские торжества пронизут всю нашу общественность сверху до-низу. В них будет вовлечен не только научный и литературный мир, но и широкие ряды пролетариата. Пролетариат знает и любит Толстого, как художника. Обследование рабочих библиотек



Генрих Манн.

показало, что такие вещи, как „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Воскресение“ — пользуются огромной популярностью. Это доказывает, что рабочий читатель идет по правильному пути. Отвергая чуждую и ненужную ему сектантско-христианскую идеологию Толстого, он полными пригоршнями черпает из его богатейшей художественной сокровищницы.

Советская литература учится у Толстого высокому искусству построения образов и конструкции величественных эпических форм. Она передает своим читателям глубокое уважение к великому писателю земли русской.

Общественность СССР не хочет быть „Иваном, не помнящим родства“. Строя свою новую культуру, свою литературу, уже завоевавшую по праву внимание передовых слоев западного общества, она хранит культурную преемственность и не забывает великих мастеров прошлого. Участие в толстовских торжествах писателей Запада так или иначе является признанием этой культурной преемственности, того большого места, которое советская литература, несмотря на свою молодость, уже успела занять, того влияния, которым она пользуется и которое будет расти вместе с ростом социалистического строительства в нашей стране.

А. Р. Палей.



Ромен Роллан.

показало, что такие вещи, как „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Воскресение“ — пользуются огромной популярностью. Это доказывает, что рабочий читатель идет по правильному пути. Отвергая чуждую и ненужную ему сектантско-христианскую идеологию Толстого, он полными пригоршнями черпает из его богатейшей художественной сокровищницы.



Японский драматург Акита.



Люк Дюртен.

В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫХОДИТ
ДЕСЯТИМИЛЛИОННАЯ книжка Библиотеки „Огонек“

ЖИВОЙ ТОЛСТОЙ

Воспоминания Ивана Новикова.

Летом 1909 г. я вышел из Тулы пешком в Орловскую губернию, к себе на родину. Я не собирался заходить к Льву Николаевичу, но, проходя мимо Ясно-Полянского сада, встретился с ним и провел у него несколько часов в саду, а вечером он пригласил меня в Телятнихи, где предстояло чтение крестьянам новой его статьи „О науке“.

Тогда же у меня мелькнуло в голове, что надо будет по пути заглянуть и „к Тургеневу“ — в Спасское-Лутовиново. Я сказал смеясь Льву Николаевичу, что это выйдет настоящее „путешествие пешком от Толстого к Тургеневу“.

— Это не важно, — заметил Лев Николаевич, — важно то, что вы увидите много простого народа, будете говорить близко с крестьянами. Среди них, особенно из молодежи, я знаю много прекрасных людей. Вы сегодня увидите их, если захотите.

Глубокий старик, Толстой держался необыкновенно прямо, по-юношески, разве чуть-чуть сутулясь в плечах; глаза его под густыми бровями удивительно менялись в зависимости от того, с кем он говорил: когда человек был ему неприятен и чужд, и глаза становились глухими, невыразительными, тусклыми, но порою, однако, сквозь них прорывался и гнев, и они же бывали приветливыми, острыми, и — что дороже всего — необыкновенно внимательными; он слушать умел.

При мне посетителей было человека три или четыре. Один из них, молодой человек, больше других мне запомнился. Льву Николаевичу он был неприятен. И, действительно, надоедливость его переходила в прямую назойливость. Лев Николаевич порой отвечал ему с настоящей резкостью. На повторный вопрос, что ему читать, Лев Николаевич ответил:

— Читайте с тридцатых годов прошлого века и раньше.

— И позже, — поправил тот Льва Николаевича.

— И раньше, — подчеркнул Толстой, и пояснил, обращаясь не к собеседнику, а скорее к самому себе: — время просеивает.

Но эта глубокая и своеобразная мысль скользнула мимо внимания молодого спорщика, и он перешел к современным писателям. Толстой не отзывался никак, не отвечал. Молодой человек, помянув Сологуба, почему-то приостановился. Толстой досадливо отмахнулся рукой:

— Не знаю... Не помню...

Но когда тот начал распространяться о Сологубе и дальше, и назвал его граф Сологуб, Толстой с необычайной, какою-то звонкою резкостью кинул ему:

— Федор!

„Не знаю... Не помню...“ — отлично и помнил, и знал.

Шел разговор и о моих двух романах: „Золотые Кресты“ и „Между двух зорь“. Отношение Толстого к ним для него очень характерно.

В первом романе в центре внимания было так называвшееся тогда „новое христианство“, трактованное мною с художественно-полемической остротой; в „Между двух зорь“ (тогда еще носивших название „Дети на рельсах“) выведена молодежь эпохи безвременья — после девяти лет пятого года — со всеми ее крутыми невзгодами. К первой теме Толстой отнесся скептически, это слабо его занимало; зато вторая тема чрезвычайно его заинтересовала, и он подробно меня расспрашивал о том, как я ее понимаю и развиваю. Он придавал большое значение правдивому изображению молодого поколения, он понимал все трудности его бытия; большой живой человек с высоты своих восьмидесяти лет по-юношески горячо волновался за судьбу молодежи, детей, как если бы это были его товарищи, сверстники: это было о жизни, о живом, становящемся

человеке. „Это важная тема, — повторял он мне несколько раз, — об этом надо писать“.

Разговор наш был прерван приходом того самого посетителя, который смеялся графа Сологуба с Федором Сологубом. Когда

он ушел наконец, Толстой с большой силой сделал рукою движение вслед уходившему, почти как если б толкнул его по воздуху в спину:

— Глухая стена! — произнес он со сжатой экспрессией, и глаза его резко сверкнули.

— Вы знаете, в чем главная беда нашей молодежи? — обратился он снова ко мне, возобновляя прерванный разговор и, видимо, связывая его эмоционально с только что ушедшим молодым человеком: — Эта беда — в самомнении.

И дал почти формулу:

„Всякий человек есть дробь, в которой числитель — это то, что он есть на самом деле, а знаменатель — что он о себе думает, и чем больше этот знаменатель, тем меньше дробь; но когда знаменатель равен бесконечности, что бы в числителе ни стояло — дробь всегда будет равна нулю.“

Под конец Толстой вернулся опять к моему путешествию.

— Вот меня зовут шведы на конгресс мира, не знаю, я не поехал. А вот так, как вы, пойти бы — пошел.

Он помолчал и негромко добавил (произнося потульски — „туда“):

— Перед тем, как уйти туда, откуда никто не возвращается.

Путешествие это, последнее, было не за горами, и он уже точно видел его. Об уходе из дому и о смерти Толстого через год с небольшим, узнал я в Париже, и тотчас же встал передо мною, как встает и теперь, образ этого горячего, невысокого роста, но огромного старика со страстной и неутоленной душой, образ — живого Толстого.

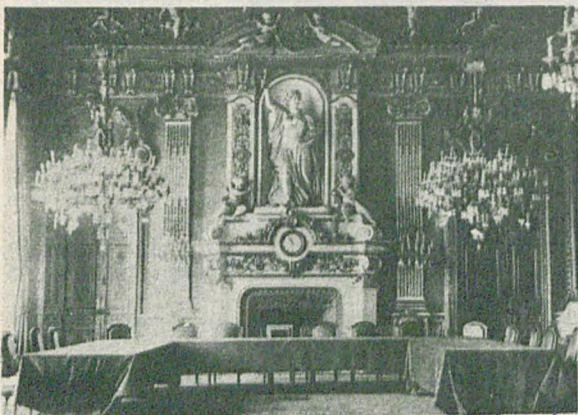


Л. Н. Толстой в 1909 году.

Фот. В. Чертова.

Иван Новиков.

Мыльный пузырь Келлога. Ллойд-Джордж, которому подчас нельзя отказать в остроумии, сказал: „Я всегда утверждал, что мирные договоры без разоружения бессмысленны“. Но дело ведь не в осмысленности. Рыцарям империалистической наживы ничего не стоит поиграть (и то на словах)



в мирные бирюльки. Красивый жест — мирный пакт великих держав — звучит эффектно и ни к чему не обязывает, поскольку остается в „закопе“ война оборонительная.

В пыльном зале с мифологическими статуями, пузатенькими амурами и обещанными побрякушками листами, подписывается большой мыльный пузырь — пакт Келлога. Все вокруг него дышит торжественностью, и почтительные европейские племянники американского дядюшки

Молодые бизнесмены. В германских школах проделан исключительно интересный опыт преподавания стенографии детям. Несколько групп шестилетних малышей смогли закончить курс стенографии в четырехмесячный срок. Мальчуганы не только научились быстрой записи, но и сравнительно быстро читают написанное. Немецкий опыт блестяще доказал исключитель-



стараясь придать церемонии возможно более напыщенный характер. Даже ручка, которой писал „великий миротворец“, как видите, увековечена услужливыми репортерами.



ную восприимчивость детворы и целесообразность введения стенографии в курс школьного обучения.

Англичанки. Все стремления лидера английской рабочей партии Макдональда направлены к тому, чтобы убедить английского избирателя, мелкого буржуа, в революционности рабочей партии и в абсолютной „английской доброте“



тебя“ ее вождей. Заботливый „напаша Макдональд“ вызывает своих трех дочерей на лето в Канаду с целью приоткрыть их в хорошие руки, отыскав подходящих женихов. Ах, канадцы рискуют породниться с будущим премьер-министром.

Британский ангел мира. Английское военное министерство ловко играет на обывательском страхе английского буржуа. С одной стороны, оно пугает его сообщением о том, что последние воздушные маневры над Лондоном показали полную уязвимость Лондона; с другой стороны, дает понять, что в запасе имеется ряд новых военных сюрпризов. Приоткрыв чуть завесу тайны, министерство публикует снимок английского летчика с новым усовершенствованным газотравляющим и зажига-



тельным аппаратом, убеждая обывателя раскошелиться на военные нужды, тем более, что „страшная“ Германия собирается построить броненосец.

Выселение о „парижском шиме“. Стабилизация франка — один из эффектных валютных фокусов Пуанкаре — повлекла за собой целый ряд разорений среди мелкой французской буржуазии. Парижские домовладельцы не склонны особенно деликатничать с теми из них, которые перестали аккуратно вносить квар-



тирную плату. Такой „стабилизированный“ неплательщик, не успев оглянуться, оказывается выброшенным на улицу, а его имущество шумно и бойко распродается с аукциона тут же, на пороге старой квартиры.

Новое рабочее изобретение. Тов. Кузьмин, рабочий Симферопольской консервной фабрики „Возрождение“, изобрел аппарат для автоматического заполнения жестяных банок консервированной массой. При таком способе одна работница в час заполняет свыше 20 тысяч банок.

Старый аппарат германской системы за это же время заполнял только 750 банок.

Автомат т. Кузьмина очень прост, что дало возможность фабрике изготовить его в ко-

личестве 16 штук и заменить им старые аппараты.



На снимке — тов. Кузьмин.

Сушила для рук. Даже при очень тщательном вытирании рук полотенцем кожа рук остается чуть влажной и быстро загрязняется вновь. В новых американских гостиницах рядом с умывальниками помещаются шкафчики, пита-



емые сухим подогретым воздухом. После умывания достаточно несколько секунд подержать руки в воздушной волне, чтобы совершенно высушить увлажненную кожу.

Французский художник в СССР. Вместе с французской делегацией на спартакиаду приехал из Парижа художник



Серж, которым исполнен ряд зарисовок спартакиады для „Юманите“.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

С настоящим № 37-м „Огонька“ всем годовым подписчикам по 1-му, 3-му и 5-му абонементам, УПЛАТИВШИМ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ЕДИНОВРЕМЕННО ПОЛНОСТЬЮ ПРИ ПОДПИСКЕ, рассылается бесплатная премия — художественный портрет Л. Н. Толстого.

И. Н. Яновлев умер. В конце августа в Ленинграде скончался заслуженный артист Республики Конрад Николаевич Яновлев. Покойный артист



проработал сорок лет в Ленинградском государственном театре драмы.

Фот. бр. Вулла.

В Библиотеке „Огонек“ вышла книжка избранных стихотворений Мих. Герасимова. Недавно М. Горький характеризовал Мих. Герасимова, как талантливого пролетарского поэта. Это определение вполне соответствует действитель-

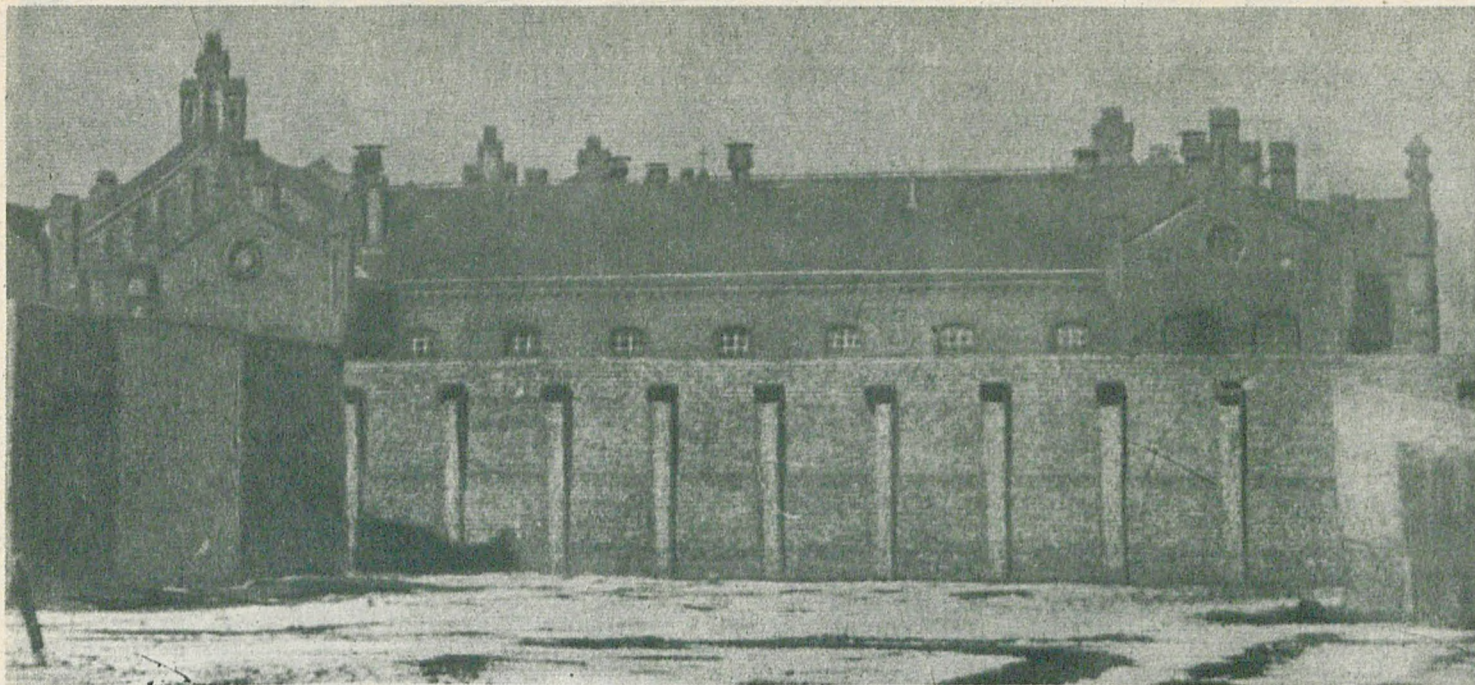


ности. Остается только добавить, что поэт продолжает упорно работать над собой, и последние стихи его говорят о значительно окрепшей технике и углубленном содержании.

В Библиотеке „Огонек“ вышла книжка рассказов И. Шильдкрета. К. Шильдкрет сравнительно за небольшой период литературной работы успел завоевать себе имя и более чем хорошее отношение читателей. Книжки К. Шильдкрета пользуются несомненным успехом. Талантливый автор



весьма разнообразен в выборе сюжетов для своих повестей и рассказов. Он пишет и на исторические темы, и уделяет много внимания современности. Книжка К. Шильдкрета прочтется с большим интересом.



Варшавская каторжная тюрьма Мокотовка, где годы томился Станислав Ланцуцкий.

ПРАЗДНИК В ТЮРЬМЕ

Известный польский революционер тов. Станислав Ланцуцкий, недавно освобожденный из польской каторжной тюрьмы, немедленно по освобождении вновь арестованный и, наконец, опять освобожденный, — в своей статье, написанной специально для „Огонька“, описывает „праздник“ в тюрьме — спектакль, поставленный политзаключенными.

Очерк т. Ланцуцкого наглядно живописует бодрый дух польских коммунистов — дух, который не может утисить самый бешеный разгул польской реакции.

В тюрьме нам приходилось переживать разные моменты — плохие и хорошие. Но и в тех, и в других мы не теряли душевного равновесия.

Немало пришлось похлопотать для того, чтобы получить возможность собирать всю коммуны на праздники в одной камере. Впервые нам удалось всем собраться в первый день рождества 1926 г. Здесь я хочу описать вкратце наш рождественский утренник этого года.

За две недели до рождества наша культурно-просветительная комиссия принялась сочинять алободневную пьесу в двух действиях о польских выборах в сейм.

Прежде всего я постараюсь дать понятие о предварительных работах широкого круга товарищей по организации этого вечера. На первое место я ставлю усилия нашего даровитого дирижера, т. З.

Опыт предшествовавших „концертов“ гарантировал, что тов. З. не ударит лицом в грязь и покажет мокотовцам, что бумажные трубы и обвитые папиросной бумагой гребенки смогут превосходно заменить настоящие инструменты.

В то время как он „мучил“ музыкантов, мы занялись подготовкой костюмов и прочей необходимой бутафории. Прежде всего необходимо было придумать и приготовить костюмы для „оркестра“ и для „артистов сцены“. Размах у нас было хоть отбавляй, но находившиеся в нашем распоряжении средства были более чем скромны. Во всей коммуне была палица лишь одна жакетка неизвестного происхождения, хотя и достаточно приличного вида; она могла превосходно быть использована и для дирижера, и для Вежбицкого (председателя союза промышленников) в нашей пьесе. С пиджаками и брюками дело обстоит значительно хуже.

С Пилсудским и Складковским дело было легче: они должны были выступить в костюмах солдат, которых они посадили в Мокотов.

С Дашинским дело было труднее. Этого кобеля из Кроводжи (предмесье Кракова) нам решительно не во что было одеть. Мы хотели, чтобы выбранный „в пикну“ Пилсудскому президент сейма походил по крайней мере на порядочного лакея; он ведь заслужил себе это у нации.

Для Стинчинского (редактора „Глоса Правды“) я взял напрокат в тюремном

магазине котелок, оставленный каким-то вором. Он выглядел блестяще. У одного из товарищей мы взяли портфель, и получили идеальный журналист.

„Гребенщиков“ было пятеро. Один — араб, другой — апап, с берегов Вислы, третий — турок, четвертый — шут, пятый — жокей. „Барабанщик“ должен был быть негром, а на бутылках играл цыган. Арабу пришлось сделать бурнус из белых простынь и на голову тюрбан из полотенца. Вышел блестящий костюм; зато турок, за вычетом своей красной фески, более походил на немца, чеха или еврея, чем на турка. Апап был превосходен, — костюм для него в наших тюремных условиях легко удалось подыскать. Шута мы



Станислав Ланцуцкий.

одеди в синюю рубашку и такие же кальсоны, на которые мы наклеили национальные эмблемы. Жокей был очень хорош.

Наконец наступили праздники. К часу прогулки сцена была уже готова. На видном месте висела большая афиша:

„Мы устраиваем балаган“.

К первому часу в нашу камеру навалила вся коммуна. Приготовления к представлению подходили к концу.

Раздвинулся занавес. Перед зрителями появился расположенный полукругом оркестр, в середине которого стоял дирижер с палочкой в руках. С напряжением ждали мы „гвоздя“ вечера „Мокотовских сорняков“. Дирижер посмотрел на музыкантов, поднял палочку вверх, и по данному им знаку загрела увертюра, состоявшая из арии: „Живете ли вы одни барышня?“

„Мокотовские сорняки“ достигли кульминационного пункта, враждебные нации из „Маюфеса“ и „1-й бригады“ подали друг другу руки и отчеканивали теперь в такт: „Танцевал бы, кабы мог, каб не было хромы ног“. Хромые ноги в свою очередь сцепились с мелодией из „Флисаков“ и разлились мягкой мелодией, исполняя сладостной неги мотив Сулеевек и Палевки, когда вдруг насмешливо захохотала ария из „Пляйты“ глумящаяся над избирательным договором между „первым списком“ и „хасидами“. Перебрасываясь к жалобному мотиву „Разлука, ты разлука“, гребенки слезливо брели, а трубы выли. Эти завывания ни с того ни с сего перекинулись в веселую песенку, радующуюся тому, что „Маюфес“ с „1-й бригадой“ закончился „Разлукой“. Чтобы лучше оттенить это поражение, оркестр заиграл: „Понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки бьешь, ничего ты не получишь, дураком домой пойдешь“. Внезапно загудело: „Пле Куба до Якуба“ — все сильнее, все живее. Вдруг раздался ужасный грохот — и все смолкло. Первый номер программы был закончен. Товарищи аплодировали так, что стекла звенели. Недовольных не было.

Небольшой перерыв. „Конферансье“ заявил, что будет поставлена „великолепная“ избирательная сатира. Первое действие происходит в кабинете Пилсудского, второе — в сейме. Затем он попросил товарищей приветствовать артистов аплодисментами. Подымается занавес: за письменным столом сидит мрачный Пилсудский, с правой стороны входит министр Складковский, отдает честь и докладывает:

— Господин комендант...

Мокотовская тюрьма.
Варшава, 1928 г.

С. Ланцуцкий.



Нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов наблюдает за походом.

ЧЕРЕЗ БУРУНЫ И ШТОРМЫ

Снимки Я. Штеренберга.

Балтийский красносламенный флот снялся с якоря и ушел в большой поход по желтым водам Балтики, через буруны и штормы.

Такие походы Балтфлота с участием наркомвоенмора К. Е. Ворошилова вошли уже в традицию Красного флота и стали ежегодной проверкой его боеиспособности.

Частые визиты английских военных эскадр в воды Балтики и в пхеры Финского залива, визиты, имеющие не подлежащую сомнению цель — изучить театр будущих морских сражений, заставляют и наш флот не менее тщательно изучить район, который будет потрясен выстрелами чудовищных 16-дюймовых орудий, взбудоражен юркими торпедами, наводнен минами и реющими над морем гидро. Мы не ходим к берегам Англии, и сколько бы ни говорили твердолобые, что „Бухарин собирается объявить Англии войну“, каждому трудящемуся Союзу понятно, что наступать на Англию с целью „завоевания ее“ мы не будем. Наша морская война будет по преимуществу оборонительной, и нам нужен такой флот, который, не ставя перед собой империалистических целей, смог бы с честью защитить берега Советского Союза. Но ведь флот — громадная машина, целые шеренги кораблей, чудовищно сложная система различных видов оружия — от воздушного до подводного. Прежде чем водить его в бой, нужен большой опыт по его управлению. Опыт мировой войны показал, что сила флота не только в количе-

стве орудий, спрятанных в трюмах эсминцев торпедных аппаратов. Сила флота также и в его способности быстро переменять свой строй, по первому приказу командующего быстро производить маневры. Иногда, поэтому, более слабой оружием флот побеждал более сильного.

Маневры нашего флота из года в год показывают, как крепнет его сила, как командный его состав — водители стальных кораблей — постигает новые тайны тактики.

В чем обычно заключаются маневры флота? В том, что, разделившись на две стороны,

В ночном бою столкнулись линкоры с эсминцами. Небо было перерезано светлыми лентами прожекторов. По первому приказу грузные и, казалось бы, малоповоротливые линейные корабли быстро меняли строй, подводные лодки шныряли в морских глубинах в поисках уязвимых мест „врага“.

Тов. К. Е. Ворошилов в течение всего похода находился на борту флагманского корабля „Марат“ и наблюдал за всеми действиями флота. Он принимал участие в разборе операций с командным составом флота. Спускаясь в кубрики, беседовал с краснофлотцами. Вечерами, после окончания маневренной горячки, посещал вечера самодеятельности краснофлотцев.

Свои впечатления о посещении Балтфлота он изложил в особом приказе:

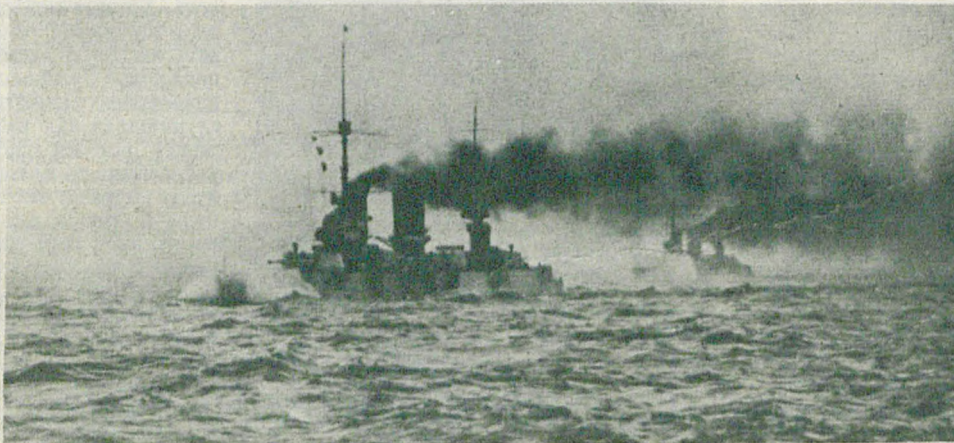
„Команды осмотренных мною кораблей, — читаем мы в этом приказе, — представлены в образцовом порядке... Произведенный в течение похода ряд тактических учений и двухсторонних маневров, неоднократные боевые тревоги и учения по специальным свидетельствам свидетельствуют

о значительных достижениях в боевой подготовке флота по сравнению с прошлым годом“.

Таким образом, советские берега Балтики находятся под надежным щитом нашего флота.

Враг, если он вздумает сунуться в наши воды, получит должный отпор. Маневры Балтфлота лишний раз убедили в этом трудящихся союза.

Н. Л.



Судна перестраиваются по указанию флагмана.

флот в открытом море разыгрывает все этапы морского боя, заканчивая поход боевыми стрельбами по щитам, которые тащит буксир.

В этом году поход происходил в неблагоприятных метеорологических условиях. Все время шел дождь.

Это, в совокупности с плохой видимостью на море, затрудняло поход, требовало от личного состава флота значительно больше энергии, знаний, сноровки для выполнения намеченных маневрами задач.



Схватка с басмачами.

С картины худ. С. Карпова.

ПОВЕСТЬ О ПУСТЫННОМ УЮТЕ

Адалис.

Когда буря за окном, а в комнате тепло, ровно светит лампа, и человеку четырнадцать лет, ему уютней всего воображать, как снаружи, во внешнем мире, борются с бурей моряки и пешеходы, как на реке Амазонке добывается каучук, как ложатся перед самумом на песок верблюды и их погонщики... Но моряки и добытчики каучука, и погонщики верблюдов тоже имеют во „внешнем мире“ то, что заменяет им дом...

Туркмения. Пустыня. Аул. В ауле тысяча двести жителей. Песчаный ветер; с людей и верблюдов сыплется сухая земля. По ночам на сотни тонн черного мрака—две керосиновых лампочки: одна у красной харчевни, заменяющей здесь клуб, другая—у кооператива. После сумерек из жилищ не выходят, потому что поставлены капканы для лисиц, и в эти капканы могут

попасть люди; Здесь есть речка в один обхват и ровно по пуп ребятишкам; она орошает поля джугары и хлопка с помощью допотопного водяного колеса, которое вертит ветхий, замшелый верблюд с глазами, повязанными мокрой тряпкой.

От длинного ветра мутится человеческий ум. В прошлом году, перед тем как напасть на Ташауз басмаческой шайке Джунaid-хана, Джунaid выслал в этот аул разведчиков и нащупывателей. Пришло с афганской границы восемь дюжих, чисто одетых дядь, выдавших себя за беженцев из Афганистана; они ввалились в красную харчевню, потребовали восемь похлебок и принялись громко есть, восхваляя земельно-водную реформу... Мариам-ханум, по нашему Маруся, из женотдела, рыбая и смуглая крестьянка на сносях, узнала в двоих из них известных разбойников-басмачей; она оповестила аул, и ее послали ходком в город. Но пока она шла со своим брезентовым портфелем и сухой лепешкой в узелке, разведчики не торопясь отправились дальше: крестьяне не могли связать их, потому что не было хороших веревок: на последней хорошей веревке держалось ярмо верблюда у водяного колеса...

В этом ауле две школы—для мальчиков и для девочек; школа для девочек стоит против аулсовета, в сухом и редком саду. В школе двадцать четыре ученицы и две учительницы—две татарочки из далекой Казани.

Об этих учительницах—Айчэ и Сачина—я и хочу рассказать. Айчэ—18 лет, Сачи-

на—15. Они живут при школе, в комнатке, содрогающейся от песчаного ветра; у них есть маленькая керосиновая лампа на століке, покрытом белой, источенной временем скатертью и одна кровать на обеих; она завалена ворохом чистого полотна и кружев, и в головах, там, где у русских мещаночек положено болтаться иконке, висит на красном шнурке крошечный портрет Ленина, вынутый из какого-то значка и вправленный в колечко от занавесей. От песчаного ветра Ильич качается и стучит о переplet кровати... Это их уют. Ни книг, ни чернильницы; под лампой—огрызок желтого карандаша. Когда я спросила Айчэ, какой роман, к примеру, она читала, Айчэ ответила — „Кирпичики“. Она думает, что роман—это слова из песни...



Туркменки — делегатки 4-го съезда рабочих и крестьянок.



Типы ребятишек.

Очень трудно представить себе, что Айча и Сачина учились в Карани. Впрочем, они не доучились. В Казань приехала С. Прикаспия рассудительная Сабирэ-ханум, известная учительница, — как бывают известные актрисы, — и рассказала, между прочим, что в туркменских аулах совсем нет преподавательниц, нет ни одной грамотной женщины, но что сама она, Сабирэ-ханум, хотя и верная турчанка, ни за что туда не поедет, потому что там ни кино, ни театра, ни общества... Обе девочки бросили школу, собрали бельишко и поехали в Туркмению.

Дехкане, отцы маленьких учениц, выжидают. Дехкане не знают, как относиться к девушкам, пожелавшим вломиться в горячую глушь! Может быть, они помогут провести на хлопок воду из Аму-Дарьи? Может быть, их убьют бай? Дехканд следят.

... Однажды по базару шел заведывающий интернатом для мальчиков, двадцатилетний Палванов. Увидев меня, он сделал страшные глаза, дернулся навстречу и шепнул скороговоркой:

— Сегодня вечером ко мне придут Айча и Сачина. Приходите, пожалуйста, веселитесь! Я бегу купить леденцы. Иншаллах, ханум! Валла! Сделайте же вид перед базаром, что я сказал пустяк!..

Вечер выдался тихий. Когда улеглись спать тридцать учеников, на винограднике интерната был поставлен стол... Стол, лампа, две огромных бутылки молока и десяток лепешек. Палванов мыл стаканы. Глухой почью (часов в девять вечера) какая-то старуха принесла ему свежее выглаженную синюю рубашу и ушла, хихикая, аллеей, выводящей в пустыню... Позже пришли, кутаясь в один платок, Айча и Сачина.

— Пейте! — взволнованно сказал Палванов, разливая молоко. — Закусывайте. У нас есть еще леденцы.

— Палванов! — вдруг воскликнула попутком Айча, — мы живем на свете один раз. Я куплю в Ашхабаде мандолину или гитару. — И затряслась от сдерживаемого смеха. Сачина фыркнула в ладонь.

— Споем хором, — предложил в шутку хозяин.

У Айча выскочил из рук и разбился об угол стола стакан с молоком; к минуте мы притихли, прислушиваясь к ночным скрежетам, к далекому вою шакалов и лаю лисиц; потом языки развизались.

— Приходит вчера Салтанат в женотдел, и рубаша на ней шелковая, и халат на ней шелковый, а в руках...

— Отдай мне платок, Палванов, шайтан-мальчишка!

— Вот такой вот скорпион! — Валла! Желтый. Ой, я думаю, мамушка, папушка! А Сачина его топором!..

Но пир кончился бедою. Поднялась песчаная буря, затрещали черствые листья виноградного купола, на виноградник залетела большая стрекоза; толкалась, сбивая с рук на руки мигающую лампу, мы долго ловили сухого, прозрачного зверя. Сачина поймала его. Тогда случилось непоправимое: она растегнула грудь синей рубашки Палванова и бросила ему запазуху стрекозу. Водворилось молчание, стал ближе вой шакалов, и — о чем разговаривать людям, позволившим себе друг с другом неслыханную вольность? — мы скоро ушли, не отведав зеленых леденцов...

Как сейчас помню: мы идем вперед, сквозь тяжелую, горячую бурю, борясь с пылью и воздухом, звериным нюхом спасаясь от лисих капканов.

Ночью в комнате при школе я просыпаюсь от тревожного шопота.

— Айча, — спрашивает Сачина, — сестра Айча! Насколько кругла земля, и что мне сказать детям?

— Сачина! — отвечает Айча, — я ничего не помню от ветра, но земля очень кругла — это утверждают большевики. Все коммунисты верят, что земля движется вокруг солнца — верь и ты. Кроме того, коммунисты должны прививать себе оспу. Скажи детям, чтобы они велели матерям прийти в консультацию.

Лампа часто гаснет. Мы попеременно встаем зажечь ее. Дверь рвется с цепи. Айча говорит мне:

— Аделин-ханум! Вот мы лежим здесь, и нам, правда, очень уютно; а, вероятно, есть люди, которые сейчас борются с природой, которые где-нибудь... Я не умею объяснить, как следует...

Что мне рассказать ей о внешнем мире? Я вспоминаю учителя из кишлака Айдас, в тридцати пяти верстах от города Пенджикента...

Он русский, с северной Украины, московский вузовец-медик первых лет революции. Он знает только Москву военного коммунизма, а Московы строительства не знает и не узнает, вероятно, никогда. У него нет правой руки, его левая нога не годится в дело, а годовз навеки свернута на бок. Он спокоен и хлебосол. Когда — пятеро путешественников — мы попали в его кишлак, по пути из Самарканда в Ургут, — он ввел нас в светлый треугольный сад, разостлал свежие кошмы, принес блюдо маленького урюка, блюдо мягких груш и два ведра воды. И мы узнали, что он никогда не покинет кишлака Айдас.

— Здесь покоятся кости моей правой руки, — сказал он, — я думал стать хирургом, и у меня была верная рука.

...Однажды к подножью Гиссарского хребта пришла малярийная экспедиция. Ее встретили басмачи. Кто спасся, кого убили, а московского вузовца — запевалу парня с Украины — привязали к лошадиному хвосту, и лошадь протащила его от Кара-Гиссара до Айдаса. Это случилось в двадцать втором...

Мы уходили к юго-востоку — на Пенджикент, на Искандер-куль, в горный Ягноб, — и учитель долго стоял на холме, махая тюбикейкой. Его прощальных слов я никогда не забуду:

— Ну, счастливо вам! Передавайте привет, кому надо. На Памирах, говорят, трудно жить. Вечная буря, говорят, волки, одиночество... Как они живут, не пойму! Передавайте привет.

Адалис.



Стихотворение П. Антокольского. Иллюстрации В. Козлинского.

Ползет фургон бродячего зверинца.
Хозяин зол на осень, на зверей,
На ревматизм... Он завтра разорится
Но надо сбыть дорогу поскорей.

Грязь. Осень. Дождь. В харчевнях кормят
скудно.
На мокрых ярмарках голо. Как вдруг
Все клетки настезь... Свист! Еще секунда...
(Он вздрогнул. «Что за чорт!») и тьма
вокруг.

И снова спит. Нет, он серьезно болен.
Он был богаче Ротшильда во сне,
Водился с женщинами, с алкоголем,
Знал цену жизни и что делать с ней.

И вот опять гнилой соломы запах.
Он дико смотрит в дождевую тьму.
А тьма встает на вывихнутых лапах,
Ползет на брюхе, сплюсненном к нему.

Так вот какая подлая лахудра,
Облезлая... И это все? Хоть плачь!
Эх, хорошо бы хины хоть под утро,
Оханки сена для промокших кляч!

Проснуться, крикнуть... Но дыханье сперто.
Фургон, как туча, дымен и космат.
Сломать бы хлыст, дрянную флейту к чорту!..
Жить с внуками и подстригать свой сад...

А тот оскал, голодный и колючий,
Те подлые глаза... Они — твои.
Так не терять хлыста на всякий случай,
Пока не рухнешь на землю в крови!

Ползет фургон... Пестро фургон раскрашен.
Грызет решетку восемь жалких морд.
Сон был, как жизнь, тревожен и не страшен.

На место, сволочь! Все-таки он мертв...

П. Антокольский.



НАШИ ФОТОГРАММЫ



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ. В день МЮД'а по всему Союзу состоялась передача членов ВЛКСМ в ВКП (б), а пионеров в члены ВЛКСМ. На снимке — передача в члены партии 20 комсомольцев рабочих фабрики имени Фрунзе. Фот. А. Шайхета.



ВТОРОЙ ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ. Коллективная подписка на заем индустриализации среди городских рабочих и служащих проходит успешно. Комиссия содействия реализации займа признала необходимым развернуть работу по размещению займа в деревне под лозунгом „Деревня не отстает от города“, при чем особое внимание обращено на абсолютную добровольность размещения займа. На снимке — подписка на заем у цехового делегата. Фот. А. Шайхета.



ВЕЧЕР ПРИЗЫВНИКОВ 1906 г. В Красном зале Московского комитета ВКП (б) состоялся общесоюзный вечер призывников 1906 г. Начальник Московского терокруга тов. Романов выступил перед собравшимися с большим докладом о международном положении. Призывников приветствовали представители КИМ, Моссовета, МК ВЛКСМ, Осоавиахима, ВЦСПС и др. На снимке — призывники слушают доклад тов. Романова.



ЭКСПУРСИЯ ПЕЧАТНИКОВ. Московские печатники организовали массовую экскурсию в Николо-Угрешский монастырь. В экскурсии приняло участие свыше 1.200 человек. На снимке — экскурсанты на пароходе.



МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ГОНКИ. После пятилетнего перерыва в Москве состоялись мотоциклетные гонки на дистанции в 5, 10, 15 и 25 километров. На беговом ипподроме собрались лучшие московские водители. На снимке — гонщики после финиша. Фот. М. Хана.



БЕЗБОЖНИКИ-ШАХТЕРЫ ДОНБАССА В МОСКВЕ. В Москву прибыла делегация шахтеров-безбожников в составе 30 человек, из них 8 женщин. На вокзале делегация была встречена московскими рабочими, представителями центрального, московского и районных советов безбожников, собравшимися с оркестрами музыки для приветствия гостей. На снимке — митинг у Курского вокзала. Фот. А. Шайхета.



МОТОЦИКЛЕТНЫЙ ПРОБЕГ МОСКВА—ТИФЛИС—МОСКВА. Закончился большой мотоциклетный пробег по маршруту Москва—Тифлис—Москва. В пробеге участвовали 17 мотоциклетов и 3 автомобиля. Финиш состоялся на 12-й версте Серпуховского шоссе. Первым пришел „Харлей-Давидсон“ с шофером тов. Ивановым. На снимке — участники пробега у финиша. Фот. А. Шайхета.



АВТОМОБИЛИЗАЦИЯ СССР. В Калмыцкой автономной области установлены две автолинии — Астрахань—Элиста и Элиста—ст. Винодельная, Сев.-Кав. ж. д. На линиях курсируют пассажирские автобусы, полугрузовики, легкие и грузовые автомашины.



НОВЫЙ ТРАУЛЕР. На Кенигсбергской верфи закончен постройкой траулер „Архангельск“, заказанный Севгосрыбтрестом. „Архангельск“ явится самым мощным траулером Союза. Он оборудован по последнему слову техники, имеет ряд приспособлений для разделки рыбы во время плавания. На снимке — „Архангельск“ на буксире выводится в море для следования в Мурманск.



ИНОСТРАНЦЫ В СССР. В Ленинградский Торговый порт прибыл германский пароход „Океания“ с 250 иностранными туристами. На снимке — „Океания“. На верхней палубе парохода виден гидро-самолет, служащий для полетов экскурсантов в пути. Фот. С. Шемют.

СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ

Сатирическая повесть И. Ильфа и Ев. Петрова. Иллюстрация В. Белкина.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ. Сумасшедший изобретатель Бабский потерял на улице изготовленное им мыло против веснушек — „веснулин“ Бабского. Ничем не примечательный регистратор отдела благоустройства Филюрин нашел „веснулин“ и, намылившись им в бане, сделался невидимым. Дрожа от страха, он явился на службу. Заведующий отделом Каин Доброгласов немедленно уволил Филюрина, заявив, что мистики не допустит. Отстояла Филюрин рабочая часть РКК, указав на то, что в правилах внутреннего распорядка ничего об увольнении за невидимость не сказано. На службе к невидимому призывали и даже подтрунивали над ним. Невидимый в тоске забрел в Центральный объединенный клуб и заблудился в колоннах, которые заполняли всю огромную площадь клуба. Неявка невидимого на службу вызвала переполох. Евсей Львович пустил слух о том, что невидимый не откажется нарочно, чтобы узнать „кто чем дышит“. Каин Доброгласов увольняет брата своего Авеля. Евсей восстановлен. В течение недели город преобразился: в Пищевлаве никто не смел больше воровать, сквернословить, пьянствовать. В гражданах проснулось чувство критики. Как-то так вышло, что Евсей Львович приобрел большую власть. И вдруг Невидимый объявился в дремучем колонном лесу. С этого времени он стал самым знаменитым и всеяльным человеком в городе. Уволенный из Пич-Ка-Ха Каин Доброгласов, а также павший в ничтожество изпан Брак хотят во что бы то ни стало избавиться от Прозрачного. Из тюрьмы выходит подлинный управделами ПУМ'а, Петр Каллистратович Ивановпольский.

Глава IX. Юри д и ч е с к и й п а н ц ы р ь.

Подлинный бывший управделами ПУМ'а Петр Каллистратович Ивановпольский за время сидения в допре действительно сохранил свежесть мыслей, накопил много энергии и окончательно распростился со всеми предрассудками.

Знакомство его с Каином Александровичем носило сердечнейший характер. Доброгласов, тряся руку Ивановпольского, блаженно улыбался и долго повторял:

— Как же, как же, отлично знаю! Управделами ПУМ'а! Очень, очень приятно! Но вы знаете, какой у вас есть ужасный однофамилец! Змей!

Когда Ивановпольский узнал все пищевлавецкие новости, ему стала понятна холодность друзей и плачевная участь, постигшая торговый дом „Лапидус и Галичкин“.

— Загорелся сыр божий, — сказал он.

Щеки его, покрытые до сих пор тюремной бледностью, порозовели.

— Как ваше мнение, Петр Каллистратович? — спросил Доброгласов, искательно глядя на собеседника.

Насторожился и Брак.

— Мое такое мнение, — объявил гость, — что Прозрачному нужно пришить дело.

Мысль, высказанная Ивановпольским, была так значительна, что Доброгласов и хозяин дома несколько времени помолчали.

— Скажите, — вымолвил наконец Каин Александрович, — правильно ли я вас понял? Пришить дело?

— Это немислимо! — вскричал Брак.

Рот его наполовину открылся и оттуда глянули давно нечищенные от горя и тоски зубы. Но гость стоял на своем.

— Пришить дело. Безусловно.

— Позвольте, как же можно пришить дело невидимому человеку?

— Вам что, собственно говоря, нужно? Опорочить его?

— Да. Во что бы то ни стало убраться Прозрачного.

— Вот и убирайте. Я вам дал идею.

— Не шутите, Ивановпольский! — закричал вдруг Брак. — Какое может быть дело?! Филюрин физически не существует.

— Вы правы, Николай Самойлович. Он физически не существует, но зато он существует юридически. Вы рассказывали, что Прозрачный имеет сбережения в сберкассе? Прекрасно. Это подтверждает мое мнение. У него есть комната? Даже новая комната, которую он получил уже в невидимом состоянии? Тем лучше. Все это доказывает, что Прозрачный — лицо юридическое. А я могу пришить любому юридическому лицу любое юридическое дело.

— Хорошо, — заволновался Доброгласов, — допустим, хотя я сильно сомневаюсь в том, что Прозрачный попадет под судно, ведь это одна фикция. Он может просто не прийти на заседание суда!

Если он сделает эту глупость, он погиб! — спокойно

сказал Ивановпольский. — Весь город будет знать, что Прозрачный испугался суда, и, следовательно, виновен.

— А если явится?

— Ну, это уж зависит от того, какое дело мы против него поведем.

Собеседники еще раз попытались пробить юридический панцырь, облекающий физическое тело Петра Каллистратовича.

— Ладно. Его присуждают. Кто будет сидеть в тюрьме?

— Прозрачный, конечно!

— Так он вам и пойдет туда! А вдруг, вместо тюрьмы, он побежит, например, в цирк? Кто ему может помешать?

— Пусть идет, куда угодно. Юридически он будет сидеть в тюрьме. И, наконец, зачем нам уголовное дело? Опорочить человека можно и гражданским делом. Наша задача — посадить его на скамью подсудимых и добиться обвинительного приговора. После этого карьера Прозрачного окончится. Поверьте слову!

Доброгласов и Брак были наконец побеждены. Они рассыпались в благодарностях.

— Я человек скромный, — сказал Ивановпольский, — но одной юридической благодарности мне мало. Я хотел бы получить также физическую.

После долгого торга, который определил размеры вознаграждения Петра Каллистратовича и степень участия его в будущих благах, а также после получения им задаточной суммы на необходимые издержки, Ивановпольский поднялся и сказал:

— Покамест я еще не могу сказать вам, какое именно обвинение мы предъявим Прозрачному, так как не знаком с его интимной жизнью. Тут уж мне придется бегать, а вам ждать и верить. У нас ведь, если говорить официально, товарищество на вере?

Узнав у компаньонов, где живет Прозрачный, и еще раз подтвердив, что дело

можно пришить всякому, — была бы охота, повеселевший Ивановпольский ушел.

Несколько дней Петр Каллистратович колесил по городу, выискивая за Филюринскими грехи, но прошлое регистратора было так же прозрачно, как и настоящее. За ним не было ничего: ни прогулов по службе, ни хулиганских выходок, ни какой-либо преступной страсти.

Некоторое утешение Ивановпольский получил только в доме № 16 по проспекту имени Лошади Пржевальского. Все обитатели дома, возмущенные тем, что ПУНИ отдало комнату Прозрачному, были настроены против своего нового соседа. Но из их рассказов Ивановпольский не почерпнул необходимых ему данных. Невидимый жилец был тих и кроток и даже на мандолине играл по правилам — только до одиннадцати часов вечера.

Ивановпольский понял, однако, что жильцы дома № 16 готовы лжесвидетельствовать против Прозрачного в любом деле, но так как самого дела еще не было, свидетели были пока не нужны и оставлены про запас.

На четвертый день обследования и собирания материалов Петр Каллистратович направился на старую квартиру Филюрина, надеясь хоть там напасть на какой-нибудь след.

Когда он подходил к дому мадам Безлюдной, у фасада стояло несколько зваек. Мастера прилаживали к стене дома мраморную доску с золотой готической надписью: „Здесь жил Прозрачный в бытность его Егором Карловичем Филюринным“.

Петр Каллистратович с ненавистью посмотрел на памятную доску и поругиваясь постучался в дверь мадам, из-за которой неслось пение Безлюдной и крики младенца.

Ничего не зная о комплоте, организуемом против невидимого, Евсей Львович Ивановпольский безмятежно правил отделом благоустройства. Сотрудники любили его, хотя Шташников, понимавший, какая пропасть ныне отделяет его от Евсея, уже не смел давать ему медицинских советов.

Ивановпольский, робкий по природе, всю свою жизнь искал крепкое капитальное место, с которого его не могли бы в любой день снять и где он мог бы по-настоящему отдохнуть. Сейчас ему казалось, что такое место он нашел. Поэтому он старательно его укреплял, делая все возможное для того, чтобы поддержать престиж своего покровителя. Устроив Прозрачному юбилей и польстив ему памятной доской на доме мадам Безлюдной, Евсей Львович спешил с разработкой проекта памятника другу и благодетелю.

Мысль эта казалась ему блестящей, и он гнал во всю, опасаясь, что идея будет перехвачена завистниками и недругами.

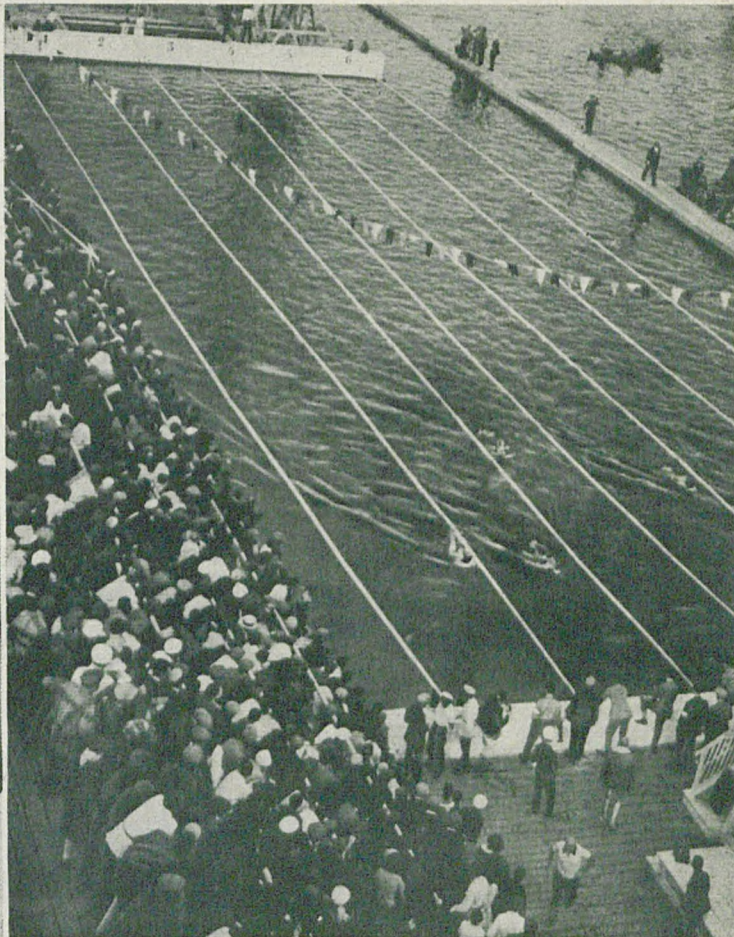
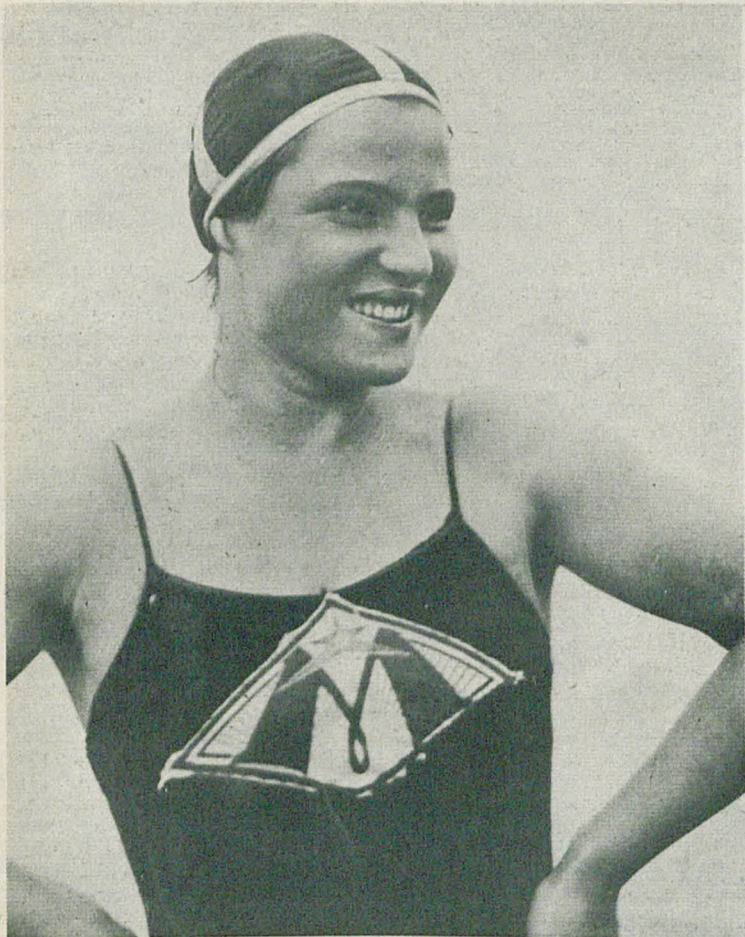


...— Мое такое мнение, что Прозрачному нужно пришить дело.

Продолжение следует.

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СПАРТАКИАДЕ

Фот. С. Фридлянда
и А. Шайхета.



Слева — лучшая прыгунья в воду с вышки и с трамплина Г. Макарова. Справа — вид сверху на заплыв женской команды на 200 метров на водной станции „Динамо“.

СПАРТАКИАДА ЗАКОНЧИЛАСЬ



национального коллектива — группу бегущих атлетов — коллектив Закавказья. Приз Реввоенсовета СССР за стрельбу — массивную фигуру красноармейца на гранитном пьедестале — получает команда Москвы. Знамя ЦК ВЛКСМ для команды с наибольшим пролетарским составом получает Сибирь. Приз ЦК ВЛКСМ и „Комсомольской Правды“ для лучшего иностранного коллектива вручается представителю Финляндии.

Всего присуждено 38 призов от 22 организаций. Пять первых участников по каждому отдельному номеру того или иного вида спорта получило по диплому.

В заключение прибывший в Москву участник мото-велопробега председатель Малого Совнаркома УССР тов. Поляков от имени всех участников спартакиады преподнес А. С. Енукидзе малокалиберную винтовку в качестве приза за хорошее руководство спартакиадой.

После 12 дней соревнований, в которых участвовало 7.255 спортсменов, спартакиада закончилась. Торжественное закрытие ее состоялось в Большом театре. Посреди сцены, в цветах — громадный бюст Ленина. Справа и слева — представители команд Москвы, Сибири, Узбекистана, Ленинграда, Центрально-агемледельческого района и Волжского, со своими треугольными эмблемами на груди.

„С огромным удовлетворением мы констатируем, — говорит, открывая торжественное заседание, А. С. Енукидзе, — большие достижения не только крупных центров, но и отдаленных уголков нашего великого Союза. С большой радостью мы отмечаем участие в нашем празднике зарубежных пролетарских спортсменов. Этот факт является залогом пролетарской солидарности рабочих всех стран“.

После целого ряда приветствий от имени Красного Спортинтерна, от ЦК ВЛКСМ и информационного доклада о ходе спартакиады ответственного секретаря оргкомитета В. А. Кулупуса торжественная часть вечера закончилась и началось вручение призов.

Первый приз — знамя ЦИК Союза ССР — вручается победителю общего всесоюзного первенства — команде РСФСР в лице московского коллектива. Второй приз ЦИК СССР — охотника, борющегося с оленем — получает команда УССР. Третий приз ЦИК СССР — памятная доска спартакиады — вручается команде БССР. Знамя ВЦИК для лучшего района РСФСР получает команда Москвы; второй приз ВЦИК — команда Ленинграда, и приз ВЦИК для лучшего



На снимках: наверху — А. С. Енукидзе вручает грамоту спортсменам Украины; внизу — представители физкультурников Закавказья получают приз.

15

„ВИКТОРИНА“—ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия тридцать шестая — „ШПАЦИЯ“

1. Что такое банник?
2. Почему часть поэзии получила название лирической?
3. Чем китайцы ловят рыбу?
4. Что такое коалиция?
5. Какой снаряд называется фугасным?
6. Что такое фидер?
7. Чем измеряется количество тепла в теле?
8. Какой журнал издавал Достоевский?
9. Что такое штыб?
10. Какой монумент работы А. Чехова стоит в Москве и когда он сооружен?
11. Где дуют пассаты?
12. Что такое кабельтов?
13. Что такое „музыкальное сердце“?
14. Что такое фартинг?
15. Почему очертания тени или профиля называются силуэтом?
16. Что такое фенин?
17. Что называется вязигой?
18. Из какого дерева делаются кегельные шары?
19. Кем составлена первая алгебра?
20. Что такое трос?
21. Как в России встарину называли фальшивомонетчиков?
22. Откуда происходит слово апогей?
23. Что такое „филоксер“?
24. Кто был Пракситель?
25. Какие два русских классика носили одно и то же имя и отчество?
26. Что такое шпация?
27. Что означает на картах белая краска?
28. Кто был создателем военных поселений в России?
29. Что такое урбанизм?
30. Как называются вагоны для перевозки скоропортящихся грузов?
31. Кто и в каком произведении сказал: „Суждены нам благие порывы, да свершить ничего не дано“?
32. По каким признакам группируются избиратели в СССР?
33. Назовите столицу Дагестана?
34. Какая королева была известной писательницей?
35. Какая легенда существовала в народе по поводу смерти Александра I?
36. Какой русский город в древности назывался „господином“?
37. Может ли произведение двух чисел быть меньше их суммы?
38. Чем известны французские слова „roug-quoi“ раз? (почему нет), и какое отношение они имеют к полярным исследованиям?
39. Как называется священная река у индусов?
40. Что такое сакля?
41. Что такое адамова голова?
42. Кто изобрел стеариновые свечи?
43. Где был подписан русско-японский мир?
44. Почему именно в феврале так мало дней?
45. Какую должность занимал Крылов?
46. Что такое „афемериды“?
47. Как назывался в древней Руси месяц август?
48. Что такое имбирь?
49. Как добывается деготь?
50. Назовите величайший в мире водопад.

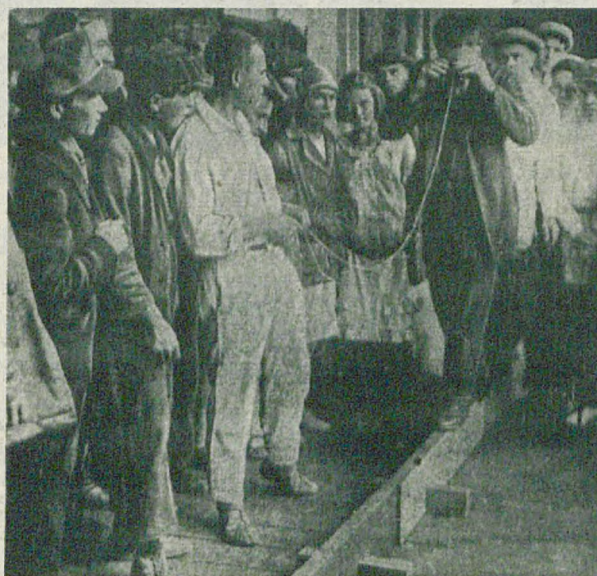
ОТВЕТЫ К ТРИДЦАТИ ПЯТОЙ СЕРИИ

1. Триметиламином.
2. По-египетски—человек, живущий в большом доме.
3. Лабрандор.
4. Муравьев-Апостол.
5. От греческого слова „скин“ — палатка-пристройка, где актеры рядились в маски.
6. Посохов, живший в царствование Петра Великого и написавший книгу „О скудости и богатстве“.
7. Гуиндлен.
8. Группа Н. А. Ишутина (сущ. в 1863—66 гг.). В ней состоял Каракозов.
9. Тихого океана.
10. Невосприимчивость к заражению.
11. Пропитанную свинцом, не пропускающим рентгеновских лучей.
12. Дирижабль экспедиции Нобиле.
13. Осип, Петрушка, Захар.
14. Против берлинского призыва-доктора Дюринга, с изложением принципов научного социализма.
15. Французский генерал, подавивший восстание парижских рабочих в июне 1848 года.
16. Название прежних государей Перу, управлявших страной до испанского завоевания.
17. В 1746 г.—Петровским.
18. Письменные знаки вавилонян и ассирийцев.
19. Пугачев. Объявил себя Петром III.
20. В XVII веке.
21. Владислав (в Смутное время—1609—1612 гг.).
22. В 1909 году.
23. Сарай.
24. У африканских большие уши и на каждой ноге на палец меньше, чем у индийских.

25. Азиатский завоеватель (XIV в.) — Тамерлан.
26. Партия левеллеров (уравнителей).

27. От семитических корней: „эреб“—запад, и „асу“—восток, имененных греками в „Европа“ и „Азия“.

ИГРЫ В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА



Трудно пройти по доске с закрытыми глазами.

Фот. А. Шайхета.

28. Покелен.
29. Наполеон родился на о. Корсике; впервые был сослан на о. Эльбу; сдался в плен командиру английского судна на о. Дюкс, откуда был сослан на о. Св. Елены, где и умер.
30. Екатерина Вторая.
31. Николай II в Японии, в городе От-Су, в 1890 году.
32. Краснояр.
33. Лариса Рейснер.
34. Сакко и Ванцетти.
35. 147 миллионов.
36. Онегин, давая согласие Ленскому идти на дуэль.
37. Хемницер.
38. Да. Восстановлена в 1875 году.
39. Пролиты у Ютландского полуострова (Дания).
40. Превратительная кличка, которой французы величали немцев в мировую войну.
41. Потому что Колумб думал, что прибыл в Индию.
42. Вырывали яму в земле, обкладывали ее кожей, заливали воду и бросали в нее раскаленные камни.
43. Соловецкий лагерь особого назначения.
44. В опере Рахманинова „Скупой рыцарь“ (текст Пушкина).
45. Российское общество Красного Креста.
46. Берлин, Вуданешт, Вухарест, Брюссель, Белград.
47. В Детройте (САСШ).
48. От персидского слова „мумай“—смола. Тело умершего вымачивалось в натре и заливалось смолой.
49. В конце XVII века Антоном Левенгуком.
50. Он ей заменяет руль и парашют.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И КОНТРАГЕНТОВ ЖУРНАЛА „СМЕХАЧ“

По соглашению с издательством „Гудок“, издание журнала и библиотеки „СМЕХАЧ“ с 1 сентября (с № 34) передано Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

Впредь все заказы, подписку и деньги надлежит адресовать: Москва 6, Страстной бульвар, 11, „ОГОНЕК“.

Перенесу по вопросам распространения и доставки „СМЕХАЧ“ до № 34-го надлежит направлять попрежнему в „ГУДОК“.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

ЕСЛИ ВЫ НЕАККУРАТНО ПОЛУЧАЕТЕ „ОГОНЕК“, а именно—с пропуском отдельных номеров (или приложений), то необходимо обращаться исключительно в свое почтовое отделение и настоятельно требовать там недостающие экземпляры.

По существующей ныне карточной системе, все количество экземпляров „Огонька“ вымывается непосредственно издательством и через Моспочтамт в почтовые предприятия на местах, которые доставляют их подписчикам по ранее разосланным карточкам. Эти карточки хранятся в почтовых отделениях и по ним почта производит доставку изданий подписчикам.

Следовательно, непосредственно в Главную Контору „ОГОНЬКА“ надлежит обращаться лишь тогда, когда в своем почтовом отделении отсутствует карточка и, таким образом, выписанное издание туда вовсе не поступает.

Подписчикам, со своей стороны, надлежит сдавать подписку и очередные взносы заблаговременно (до 20 го числа), ясно и четко указывая свой адрес и для какой цели переведены деньги.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

Редактор М. И. КОЛЬЦОВ. Издатель — АНЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Неприятные редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника — воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 2-96-13. ГЛАВНАЯ ПОДГОТОВКА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 2-96-13. 4-68-18. Отд. Распростр. — 5-31-69 и 1-85-28; Почт. яв. — 4-28-45. Месячная Контора и Городовая экспедиция — 1-28-19 и 1-28-20. Рекламный отд. — 2-91-48. Бюро редакционных объявлений — 1-44-40. Адрес для телеграмм — Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1, тел. 5-26-08. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 2,400 р., строка в неделю — 4 р., сверх тарифа — 10%. НАЛОГ. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ без приложений — с 1 июля, (6 мес.) — 2 40 к., 3 мес. — 1 р. 30 к. и 1 мес. — 40 к. „ОГОНЕК“ с прил. Библиотеки „Огонек“: 6 мес. — 7 р., 3 мес. — 3 р. 75 к. и 1 мес. — 1 р. 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ без приложений: 6 мес. — 1 д. 75 ц., 3 мес. — 90 ц. и 1 мес. — 30 ц. „ОГОНЕК“ с приложением Библиотеки „Огонек“: 6 мес. — 4 д. 60 ц., 3 мес. — 2 д. 40 ц. и 1 мес. — 90 ц. Отдельный номер „Огонька“ — 8 ц.

Главлит № А.19.811. Offset-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 438.000



ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„Б“ „ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„В“ „ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ „ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„Д“ „ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылаются не менее 3 шт.)

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
ИМ.
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишите на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

гострест



ОДЕКОЛОН
ПАРА
ДУХИ
МЫЛО

ДЖИОКОНДА

Дж. БОНИАЧЧО

ДЕКАМЕРОН

Этот величайш. памятник миров. литерат. появляется на русск. яз. впервые полностью без сокращений, которые на ложных соображений „охраны нравственности“ делались царск. цензурой.

2 тома, 1.050 стр. с мног. рисунк. ЦЕНА за 2 тома в оз. пер. с зол. тисн. в худ. облож. и кар. 7 р. 20 к. Выслан. деньги вперед за поре. не платят.

Изд-во „АКАДЕМИЯ“.
МОСКВА, 9, Тверская, 26/0.

СТАНДАРТНЫЕ ПОСЫЛКИ

- № 3. БРИТВА безопасн. с двумя лезв. и прибор для бритья—6 р. 50 к.
- № 41. ПРИМУС 4-рожков. и игла „Уникум“ 9 р. 85 к.
- № 70. НОВЕЙШИЙ ПРИБОР „Four gillette“ для точки лезвий к безопасным бритвам—9 р. 70 к.
- № 42. РУНЬЕ-БЕРДАННА и 24 гильзы—24 р.
- № 76. ФОНАРЬ карман. электр. и 2 лампочки 3 р.
- № 74. ТЕАТР. ГРИМ (9 наименований)—3 р.
- № 71. БЕЗОПАСНАЯ БРИТВА и лезвие—3 р.
- № 57. НАБ. Р. инструментов для выпиливания—8 р. 50 к.
- № 45. АЛМАЗ для простого стекла—4 р. 25 к.
- № 46. ТОНЕ для бемск.—5 р. 65 к.
- № 17. ЧАСЫ-ходики, стен.—5 р.
- № 1. КАНЦПРИНАДЛЕННОСТИ 25 предметов.—3 р. 75 к.
- № 77. АНГЛ. ЗАМОК с 5-мя ключами—7 р.
- № 78. КРАСКА для ВОЛОС—4 р. 25 к.
- № 61. ПИНГ-ПОНГ о 4-мя мячами 5 р.

Заказы с уплатой и пересылкой.

Заказы выполняются по получении всех денег вперед. И стандарт. посылки стоимостью выше 3 р. прилагается премия.

ГОСУД. ПОЧТ.-ПОСЫЛ.-ПРЕДП. УНИВЕРПОЧТ.

Москва, 12, Москворецкая ул., д. № 24/0.

Общий преис-курнт 30 коп.

РОМАН-ГАЗЕТА

В ОЧЕРЕДНОМ НОМЕРЕ



М. ШОЛОХОВ

ТИХИЙ ДОН

КНИГА ВТОРАЯ

КАЗАЧЕСТВО НА ВОЙНЕ

ВТОРАЯ КНИГА НОВОГО
РОМАНА ИЗ ЖИЗНИ
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

РОМАН-ГАЗЕТА

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ
ГАЗЕТНЫХ КИОСКАХ
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ

ЦЕНА НОМЕРА

25

КОПЕЕК.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую, высылают налож. платеж. в 3-дневн. срок Отдел почтовых отправок книжного магазина ВЦСПС. МОСКВА, Кузнецкий Мост 26.

ВЕЧНОЕ ПЕРО

полный РЕ-МОНТ всех перьев. Вставка золот. пера. Высылают ручки почтой: Ленинград, Троицкая 18, кв. 4. В. М. КРАУТ. Цена ремонта от 1 р. до 6 руб. с гарантией. Обратн. высылка налож. платеж. Срочное выполнение. Добросовестн. оценка.

„ГОТОВЬСЯ В ВУЗ“

Пособие по подготовке к высш. учебн. завед. (Математика, физика, русский язык, обществовед.) 7 книг. 1-я кн. вых. в сентябре, 7-я кн. выйдет в декабре с/г.

Условия подписки: за 7 кн. — 18 руб. (пр. подп. вносится задаток—3 руб., остальн. наложенным платежом по 2 руб.)

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ—БЕСПЛАТНО.

Заказы и деньги направлять: МОСКВА 19, Воздвиженка 10.

Изд-во „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“.



Если Вам негде купить лезвия, „СТАНДАРД“, то пришлите фабрике в письме почт. марок на 50 к., и Вам вышлют не менее 10 лезвий налож. платеж. по 2 р. за десят. Перес. по почт. тарифу.

Ф-ка лезвий „СТАНДАРД“

Ф. ПЕНЗО и № Ленинград 14, Ковенский пер. 21.

УВЕЛИЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

худож. отдел. тушь исполн. с любой прислан. карточки разм. с пасп. 24×36 см.—5 р., 32×40 см.—6 р., 44×53 см.—9 р., 50 к., 54×68 см.—12 р. 50 к. Тон сепии (мариш.) на 20% дороже. Фотограф. и агент. скидка. Заказы выс. через 15 дней нал. плат. беззаста. Карточка возврата. Москва 15, ул. Митина 46, худож. маст. А. Юдиного.

ВЫШЕЛ НОМЕР ПЯТЫЙ АВТОДОРСКОГО ЖУРНАЛА ЗА РУЛЕМ

В НОМЕРЕ: статьи акад. А. Ферсмана, проф. В. Грибова, Е. Чуданова, В. Наумова, Д. Крынина, В. Сирамтаева, В. Шилового и др. Автомобильный и дорожный отделы, фельетоны, очерки, новости автоб. техн. и мн. др. Везить ли нам подержанные машины (дискуссия). В номере свыше 70 иллюстр. Цена номера 30 к. Тиражи первых трех номеров „ЗА РУЛЕМ“ разошлись полностью. Подписка принимается только с 1 июля (с номера четвертого). ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ (на 6 мес.—1 р. 70 к., на 3 мес.—4 р. 40 к., на 4 мес.—1 р. 10 к. и на 5 мес.—85 к.) адресовать: МОСКВА 6, Страстной бульв., 11, Анц. Издат. О-ву „ОГОНЕК“.

С ЭТИМ № „ОГОНЬКА“ по 2-му и 3-му АБОНЕМЕНТАМ рассылаются книжки „Библиотеки ОГОНЕК“:

К. ШИЛЬДКРЕТ—Рассказы; Мих. ГЕРАСИМОВ—Избранные стихи.

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО ПЕРЕВЕСТИ ПОСЛЕДНИЙ ПЯТЫЙ ВЗНОС по годовой подписке в рассрочку на 8й абонемент („ОГОНЕК“ и „Библиотека ОГОНЕК“ с приложенным сочинением Л. ТОЛСТОГО)—4 (ЧЕТЫРЕ) РУБЛЯ. При отсутствии последнего, пятого взноса ВЫСЫЛКА ПРЕКРАЩАЕТСЯ.

На переводах следует указывать: ДОПЛАТА, точный адрес и повторить выписываемые издания и ранее высланные суммы. ПЯТЫЙ ВЗНОС НАПРАВЛЯТЬ ПО МЕСТУ УПЛАТЫ ЧЕТВЕРТОГО ВЗНОСА.

ПОСЛЕ БРИТЬЯ
АНТИСЕПТИЧЕСКОЕ ЖЕЛЕ

АКО



Устраняет раздражение кожи, дезинфицирует и заживляет порезы, приятно освежает лицо.

Для лица и рук, смягчает кожу, крен и оедолое. Требуется в аптеках и магазинах санитарии.

ЦЕНА 37 КОП.

КООПЕРАТИВ
Гален-Москва

МОСКВА УЛ. ГЕРЦЕНА 5 ОТД. 110

МАЛЬТОН

Детская молочная мука

„МАЛЬТОН“
„МАЛЬТОН“
„МАЛЬТОН“
ГОСМЕДТОРГПРОМ

МОСКВА.

ПРОДАНА ВЕЗДЕ

по всех аптеках и магазинах санитарии и гигиены по всему СССР.



ЛЕГКО УСВАЕВАЕТСЯ ДАЖЕ СЛАБЫМ ЖЕЛУДКОМ РЕБЕНКА

ОБЛАДАЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПИТАТЕЛЬНОСТЬЮ

ПРИЯТЕН НА ВКУС И ОХОТНО ПРИНИМАЕТСЯ ДЕТЬМИ

Высылаются почтой изданием. ВЛАСНОМ. ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

Адрес: Москва, Центр, Госмедторгпром, Отдел Посылок № 7.

Цена 1 коробки 1 руб. 20 коп.

Разрешен. Наркомздравом РСФСР за № 6430/019.

НЕОБХОДИМЫЕ

каждому сведения про

половой вопрос

и сохранение здоровья

получите, выписав общедоступные напечатанные врачами - с одами-стами книжки с рисунками.

1. Предохран. от беременности.
2. Половая слабость.
3. Уход за больными.
4. Аборты и меры его предупреждения.
5. Проституция и новый быт.
6. Половая гигиена женщины.
7. Как сохранить здоровье.
8. Головные боли и их причины.
9. Здоровое и больное сердце.
10. Ревматизм, его формы и предупреждение.

11. Истерики и ее лечение.
12. Отчего и чем болеют женщины.
13. Морские купанья, солнечные и морские ванны.
14. Четыре стадии сифилиса.
15. Болит голова и их лечение.
16. Здоровая и больная кожа.
17. Умственное переутомление.
18. Что должно знать беременная.
19. Половое воспитание лет 1.
20. Бесплодие и его лечение.

Цена всех 20 книжек в пересылочной 4 р. 40 коп.; 10 книжек (любые) высыл. за 2 руб. 25 коп.

Заказы и деньги направлять: ОДЕССА, ул. Ласалла, 26/1 Книжному делу „ЛИТЕРАТУРА“

М. М. Дозорца и Я. С. Горанштейн.

НОВОСТЬ

РИЖСКИЙ
БАЛЬЗАМ

В СПЕЦИАЛЬНЫХ
ГЛАВНЫХ
КУВШИНЧИКАХ



ГОСПОДВАЛЫ ВИН С. С. Р. АРМЕНИИ

Согласно протокола исследования Научного Химико-Фармацевтического Института при Н. Т. О. В. С. Н. Х., выпускаемый ГОСПОДВАЛАМИ АРМЕНИИ в оригинальных глиняных кувшинчиках „РИЖСКИЙ БАЛЬЗАМ“ изготовляется из настоев разных трав и обладает свойствами, способствующими работе пищеварительных органов, что вполне совпадает с действием и назначением „РИЖСКОГО БАЛЬЗАМА“.

РОЗНИЧНАЯ цена повсеместно 85 к. ПРОДАЖА во всех кооперативных и собственных магазинах в ГОСПОДВАЛАХ АРМЕНИИ. С ОПТОВЫМИ ЗАКАЗАМИ обращаться по адресу: Москва, Мясницкая 24, ГОСПОДВАЛЫ АРМЕНИИ.



ЛУЧШЕЕ УКРА- ЖЕМЧУГ исключ. красоты, франц. типа, не отлич. от настоящ., мас-сивн., небьющ. ожерелье, разн. 45 сант. с сер. замк. 9 р., 60 сант. с сер. замк. — 11 р., 100 сант. — 16 р., 130 сант. — 20 р., 150 сант. — 23 р. Серьезе сер. замк. — 4 р.

Высылает наложен. платеж.

Перес., упак. и страх. беспл. Москва, Почтамт, аш. № 721/0. М. ВАСИЛЬЕВОЙ.



ДЛЯ „РЕЗОНАТОР“ глухих (тугоухих).

„РЕЗОНАТОР“ 50% усиливает слух на 50% и действует без батарей.

Цена: на одно ухо — 17 р. 50 к., на оба уха — 35 р.

Оптик. В Бурхард, Ленинград, Пр. Мохав. 25 Окт., д. 15. Опис. высыл. за две 5-коп. марки.

РАЗРЕШЕНО МОСЗДРАВТОДЕЛОМ

КУРЯЩИМ!

ГИГИЕНИЧЕСКОЕ. МУНДШТУК „АНТИНИКОТИН“



обезвреживающий куренье до минимума, поглощает вредный яд никотина до 92,3% по способу проф. Гейни и Гернак, что подтверждается анализами санитарии. ин-та Мосздравтодела и Хим.-фарм. ин-та ВСНХ. Препарат „АНТИНИКОТИН“ производится под надзором провизора Я. М. Дройзина.

Цена курит. приб. на мундшт. полиров. рота с принадлежн. 2 р. 75 к. Из карельской березы 3 р. 25 к.

ТРУБКИ „АНТИНИКОТИН“ — высш. кач., с эбонитов. мундштук — 5 р., 6 р. и 7 р.

Пересылка по почтовому тарифу. Высылает нал. плат. немедленно по получ. почт. марки.

Заказы и деньги адресовать: Москва, почтов. ящик № 705/м, производству „АНТИНИКОТИН“. П. Х. Шейнблюм.

Остерегайтесь! Появились подделки.

Государственным институтом Экспериментальной Эндокринологии НКЗ РСФСР

ВЫПУЩЕН В ПРОДАЖУ ИНСУЛИН

в упаковке 5 кб. см., стандартизованный в международных единицах. 1 куб. см. содержит 20 международных единиц.

ИНСУЛИН одобрен ИНСУЛИНОВЫМ КОМИТЕТОМ УЧЕНОГО МЕДИЦИНСКОГО СОВЕТА НКЗдрава

В Москве ИНСУЛИН отпускается во всех аптеках Московского Автономного управления.

Все остальные органотерапевтические препараты Института отпускаются ТАКЖЕ ВСЕМИ МОСКОВСКИМИ АПТЕКАМИ, ВСЕМИ АПТЕКАМИ КРУПНЫХ ОБЛАСТНЫХ и ГУБ. ЦЕНТРОВ и КУРОРТНЫХ РАЙОНОВ (Кавказ, Минеральные Воды, Черноморское побережье).

ЗА ВСЕМИ СПРАВКАМИ и ЗАКАЗАМИ НА ПРЕПАРАТЫ ОБРАЩАТЬСЯ в Правление Института: Москва 11, Б. Николо-Воробьинский, 10, тел. 4-03-54.

